

eISSN 2311-2468
Том 10, № 1. 2022
Vol. 10, no. 1. 2022

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

КОВАЛЕНКО М. А.
ЭЛЕКТРОННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО:
МИФ ИЛИ БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ?

Аннотация. В статье проанализированы основные признаки категории юридического лица. Рассмотрена возможность использования при управлении юридическим лицом блокчейн-технологии, искусственного интеллекта, смарт-контрактов. Высказано мнение о возможности создания правовой конструкции электронного юридического лица.

Ключевые слова: юридическое лицо, цифровое право, цифровая экономика, смарт-контракты, искусственный интеллект.

KOVALENKO M. A.
ELECTRONIC LEGAL ENTITY:
MYTH OR NEAR FUTURE?

Abstract. The paper presents an analysis of the features of the legal entity category. The possibility of using blockchain-technology, artificial intelligence, and smart contracts in the management of a legal entity is considered. The author considers the idea of establishing a legal structure for the electronic legal entity.

Keywords: legal entity, digital law, digital economy, smart contracts, artificial intelligence.

В настоящий период развития человеческой мысли огромное значение приобрели цифровые технологии, а вместе с ними и цифровые активы. Посредством их использования снижаются денежные и временные затраты на исполнение сделок. В электронное пространство переносятся имущественные права, реестры, в которых фиксируются обязательства, и многое другое. Искусственный интеллект все активнее внедряется в объективную реальность, в связи с чем ведутся научные дискуссии о предоставлении ему правосубъектности. Все это закономерно подводит нас к вопросу о возможности создания электронного юридического лица, которое бы осуществляло уставную деятельность с помощью цифровых возможностей в рамках различных интернет-площадок.

А. Вашкевич, рассуждая о перспективах создания децентрализованной автономной организации, которую он рассматривает как электронное юридическое лицо, выделяет в качестве ключевого признака такой организации осуществление предпринимательской деятельности на основе смарт-контрактов. По его версии именно с помощью смарт-контрактов может осуществляться управление такой организацией, составляться ее устав и другие корпоративные документы, осуществляться приносящая доход деятельность [1].

Вроде бы все ясно, однако для решения вопроса о допустимости создания

электронных юридических лиц требуется проанализировать основные признаки юридического лица и определить, как это будет работать в электронной среде.

В цивилистической доктрине существует множество теорий, обуславливающих необходимость создания конструкции юридического лица. Однако, несмотря на все отличия этих теорий, они солидарны в том, что юридическое лицо – это полноценный субъект права, обладающий совокупностью прав и обязанностей, действующий своей волей и в своем интересе, причем интересы учредителей организации и самой организации далеко не всегда совпадают.

Легальное определение термина «юридическое лицо» содержится в ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации [9]. Среди признаков юридического лица принято выделять конституирующие и индивидуализирующие. К конституирующим признакам юридического лица относятся организационное единство и имущественная обособленность. При этом имущественная обособленность выражается не только в наличии обособленного имущества организации, которое отделено от имущества ее учредителей, но и в способности самостоятельно нести имущественную ответственность. Тогда как организационное единство проявляется в наличии соподчиненной структуры органов управления организации, закреплении их прав и обязанностей, а также способности организации от своего имени выступать истцом или ответчиком в суде. Среди индивидуализирующих признаков юридического лица принято выделять: наименование организации, организационно-правовую форму существования, место нахождения, наименование, состав и компетенцию органов управления, ИНН и пр.

Федеральным законом от 18.03.2019 г. №34-ФЗ в юридический лексикон был введен новый термин «цифровые права». По смыслу закона, цифровые права – это один из подвидов имущественных прав. По мнению С. В. Сарбаш, внесенные изменения – это юридическая фикция, поскольку цифровые права олицетворяют собой традиционные имущественные права различной природы, которые существуют в виде электронной записи [2]. Это мнение подтверждается существованием прецедентов по «токенизации» имущества организаций. Например, Национальный расчетный депозитарий и Россельхозбанк намерены реализовать проект по «токенизации» зерна, хранящегося на элеваторах, и полагают, что это позволит предотвратить участившиеся случаи его хищения [8]. В случае успешной реализации вышеуказанного проекта мы получим прецедент, когда большая (или, по крайней мере, значительная) часть имущества сельскохозяйственных компаний, специализирующихся на обороте зерновых, будет зафиксирована в цифровой форме. То есть принципиальных препятствий на перенос имущества юридического лица в цифровую сферу нет.

Что же касается сферы управления юридическим лицом, то есть его организационного

единства, то и в этом случае принципиальных запретов на его перевод в электронную среду, на наш взгляд, не имеется. Действительно, учредителями организации могут быть не только физические, но и юридические лица. Сегодня даже органами управления организаций, существующих в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью, могут быть другие юридические лица. Это достаточно четко прописано в нормах ст. 40 Федерального закона от 8.02.1998 г. №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») и ст. 10 Федерального закона от 26.12.1995 г. №208-ФЗ «Об акционерных обществах [6; 7]. Почтовый адрес юридического лица тоже может быть электронным. Указание адреса обязательно для получения юридически значимых сообщений. В пункте 65 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивается, что главным является возможность идентификации адресанта сообщения. В настоящее время электронный почтовый адрес активно используется для отправки информации, поэтому препятствий для его использования электронными юридическими лицами нет [5].

На возможность использования в отношении «организации корпоративных процедур» блокчейн-технологий (наиболее осязаемым проявлением которых обоснованно считается механизм смарт-контрактов) обращает внимание Л. А. Новоселова [4]. В последнее время смарт-контракты стали интенсивно использоваться для заключения и исполнения договорных обязательств, при этом цифровые технологии фиксируют условия договора с помощью цифрового кода. Благодаря функциональным характеристикам смарт-контракты могут получать внешнюю информацию о состоянии исполнения обязательства и на основании полученной информации программа самостоятельно, без участия человека, принимает решение о передаче встречного предоставления [3, с. 66-67].

Смарт-контракты самым тесным образом соприкасаются с категорией «искусственный интеллект», под которой, говоря популярным языком, понимается технология, творчески решающая определенные задачи на основе имеющихся данных и знаний. Сегодня нет принципиальных препятствий для использования этой технологии и при управлении организацией. Фактически искусственный интеллект вполне может действовать не хуже, чем человек, обладающий достаточно продвинутыми аналитическими способностями. Думается, что совместное использование смарт-контрактов и искусственного интеллекта позволит обеспечить необходимую прозрачность и безопасность принимаемых решений, а также их соответствие законодательству.

Таким образом, можно констатировать тенденцию на постепенное увеличение доли цифровых технологий не только в процессах индустриального производства, но и в сфере

управления экономической деятельностью. Технологии, разработанные на основе блокчейн, уже сегодня позволяют достаточно успешно решать сложные бизнес-задачи при минимальном участии человека.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что в определенных условиях материальный субстрат для конструкции юридического лица становится факультативным. Думается, что в ближайшем будущем мы будем свидетелями участия в гражданском обороте таких организаций, внутреннее функционирование которых осуществляется полностью в цифровой электронной среде, тогда как их внешняя деятельность вполне успешно будет осуществляться в объективной реальности. Думается, что это и будут те самые «электронные юридические лица» технологии создания которых сегодня находятся на подъеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вашкевич А. Юридические электронные лица [Электронный ресурс] // Ведомости. – 22.05.2016. – Режим доступ: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/05/23/641943-yuridicheskie-elektronnie-litsa> (дата обращения 23.03.2020).
2. Цифровые активы в системе объектов гражданских прав [Электронный ресурс] / А. Гузнов, Л. Михеева, Л. Новоселова, Е. Авакян и [др]. // Закон. – 2018. – №5. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=115822#03554566306744529> (дата обращения 24.03.2020).
3. Иващенко Н. П., Шаститко А. Е., Шпакова А. А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of institutional studies. – 2019. – №11 (3). – С. 66-79.
4. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права [Электронный ресурс] // Хозяйство и право. – №12. – 2017. – Режим доступа: <http://www.hozpravo.ru/ru/e-version/1995-2017> (дата обращения 26.03.2020).
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. №25 // Российская газета. – 2015. – 30 июня. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения 27.03.2020).
6. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. №14-ФЗ // Российская газета. – 1998. – 17 февраля. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/ (дата обращения: 25.03.2020)
7. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ //

Российская газета. – 1995 – 29 декабря. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 25.03.2020).

8. Российское зерно переведут в токены после хищения на элеваторах [Электронный ресурс] // Росбизнесконсалтинг: официальный сайт. – 2019. – 15 октября. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/15/10/2019/5da59eed9a7947ad9839e8e7> (дата обращения 25.03.2020).

9. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – 8 декабря. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 24.03.2020).

ПАКШИН П. К.

**НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БЕСПРИЗОРНОСТИ
В 1920-30-Е ГГ. В СССР: ВОПРОСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье исследуется нормативная основа противодействия беспризорности в 1920-30-е гг. в СССР. Проведен анализ важнейших нормативно-правовых актов, определявших в то время политику советского государства по противодействию беспризорности. Рассмотрено становление и развитие советского законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: советское право, подростки, беспризорность, беспризорник, детский дом, перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей.

PAKSHIN P. K.

**LEGISLATIVE BASIS FOR OVERCOMING CHILD HOMELESSNESS
IN THE SOVIET UNION IN 1920-1930S: ISSUES OF RESOCIALISATION**

Abstract. The legislative basis for overcoming child homelessness in the Soviet Union over the period from the 1920s to the 1930s has been studied. The most important regulations that determined the policy of the Soviet Union of overcoming child homelessness at that time have been considered. The formation and development of Soviet legislation in the area under consideration have been analyzed.

Keywords: Soviet legislation, adolescents, homelessness, homeless child, orphanage, reeducation of young offenders.

Ухудшение имущественного положения населения, обострение конфликтов на национальной и религиозной почве, локальные войны, потоки беженцев, рост алкоголизма и наркомании приводят к росту беспризорности среди несовершеннолетних. Сложное экономическое и социальное положение, которое сложилось в современном российском обществе, отражается на детях и подростках. Ежегодно огромное количество несовершеннолетних граждан или остаются без попечения родителей, или же без необходимого внимания и опеки с их стороны. Детская беспризорность в советском государстве не стала новым явлением, а осталась со времён царской России. После краха Российской империи, в период революций данная проблема стала наиболее критичной. К причинам роста уровня беспризорности в советском государстве можно отнести Первую мировую и Гражданскую войны, голод [2, с. 13], и, как следствие, низкий уровень жизни.

17 января 1918 г. был принят Декрет о комиссиях для несовершеннолетних. Комиссии включали в себя представителей трех ведомств, к которым относились представители

юстиции, народного просвещения и общественного призрения в количестве не менее трех человек. Одним из представленных лиц обязательно должен был быть врач [3]. В 1918 г. была создана независимая организация «Лига спасения детей». Данная организация являлась официальной общественной организацией, утверждённой СНК. За непродолжительный срок своей работы Лига оказала помощь около 3 500 детям. Лига ставила своей целью лечение детей и их первоначальную социальную адаптацию.

На период 1920-х годов пришёлся пик детской беспризорности [4, с. 93]. К 1920 г. преступность среди несовершеннолетних возросла более чем в 2 раза по сравнению с 1913 г. [7, с. 28]. По всей стране под надзор государства было взято всего около 350 000 беспризорников, в то время как только в 29 губерниях их насчитывалось более 935 000. В связи со сложившейся ситуацией уже в январе 1919 г. был основан Государственный совет защиты детей. Основной функцией данного совета стал поиск средств на содержание воспитанников в детских учреждениях. Председателем совета был нарком просвещения А. В. Луначарский.

В 1920 г. было принято решение об открытии колонии для малолетних правонарушителей им. А. М. Горького под Полтавой. Данную колонию возглавил А. С. Макаренко. 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК своим Приказом №23 принял решение об образовании при ВЦИК Комиссии по улучшению жизни детей с контрольно-содействующими функциями в связи с тяжёлым положением несовершеннолетних. В рамках данной работы хотелось бы отметить, что создание отдельной Комиссии было обусловлено чрезвычайной важностью противодействия беспризорности. Большинство беспризорников по причине отсутствия постоянного места жительства скитались по вокзалам и товарным вагонам поездов, становились на путь совершения преступлений. Именно поэтому принципиально важным было установить контроль над железнодорожным транспортом. В связи с тем, что беспризорные не имели постоянного места жительства, решение о выделении специальных помещений для их содержания было одной из важнейших задач. Данные помещения должны были хорошо охраняться, так как ещё сохранялись отголоски гражданской войны, и прежние собственники стремились снова получить доступ к своим помещениям, зачастую прибегая к насильственным методам.

10 февраля 1921 г. Президиумом ВЦИК был принят Декрет «О комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей». Комиссию возглавил Ф. Э. Дзержинский. Во многом благодаря личным заслугам Ф. Э. Дзержинского была проведена организация системы детских учреждений. В данных учреждениях беспризорные дети получали медицинскую помощь, питание, образование, а также возможность дальнейшей ресоциализации и самореализации. Тем не менее, не все поставленные перед Комиссией задачи были реализованы на практике в

полном объёме. Поэтому 28 сентября 1921 г. был издан Приказ ВЧК №323, согласно которому ЧК необходимо было оказывать содействие местным уполномоченным по улучшению жизни детей, органам народного образования и здравоохранения о предоставлении помещений для детских учреждений. В кратчайшие сроки предписывалось очистить детские учреждения от проживающих в них лиц, не имеющих ничего общего с детскими учреждениями. Несмотря на попытку отдельных партийных аппаратчиков ликвидировать Комиссию за ненадобностью, благодаря тому что Ф. Э. Дзержинский 25 марта 1922 г. отправил Председателю ВЦИК М. И. Калинину письмо с резкой критикой подобной инициативы, Деткомиссия ВЦИК продолжила свою работу.

В 1923 г. фактически работа с беспризорниками начала ослабляется [8, с. 231]. Понимая государственную важность проблемы, с целью расширения противодействия беспризорности в 1924 г. был создан Фонд им. В. И. Ленина для оказания помощи беспризорным детям. Однако, несмотря на принятые меры и некоторое сокращение числа беспризорных, продолжался рост детской преступности [6, с. 13].

В 1925 г. создаётся общественная организация «Друг детей». К задачам организации относились такие виды деятельности, как организация ликвидации безграмотности среди беспризорных, их ресоциализация, оказание содействия в розыске родителей и родственников, предотвращение жестокого обращения с детьми, а также содействие детским комиссиям и детским домам. Общество «Друг детей» организовывало ночлежки, приюты, рабочие мастерские, летние лагеря отдыха и детские площадки для беспризорников.

2 февраля 1925 г. был издан Декрет СНК РСФСР, утвердивший Положение о комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. К новым задачам, поставленным Декретом, относились привлечение к делу помощи детям советской общественности, организация и руководство ею работы в данной области, поиск средств помощи детям, оказание организационного и материального содействия ответственным за противодействие беспризорности учреждениям, наблюдение за правильностью и целесообразностью расходования средств. С целью привлечения материальных ресурсов к общественности был адресован призыв, содержащий просьбу о помощи. В 1923 г. в газете «Известия» было опубликовано обращение «Все на помощь детям!», в котором Деткомиссия во главе с Ф. Э. Дзержинским призывала всех трудящихся СССР, а также заграничные организации оказать помощь голодающим в России детям.

13 августа 1926 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью». В Постановлении указывалось, что суммы поступлений надбавок от акцизов на алкоголь и игральные карты отныне представляют собой специальные средства, которые будут тратиться на нужды противодействия детской

беспризорности. Средства будут распределяться пропорционально количеству беспризорных в каждой республике. В данном решении чувствуется очень тонкая идейная подоплёка. Ведь акцизы, надбавки, с которых шли средства на помощь беспризорным, устанавливались на ту продукцию, которая чаще всего разрушала семьи и порождала беспризорность. Нет сомнения в том, что увлечение распитием спиртного и азартными играми уводят родителей от процесса воспитания детей. Такие родители не могут показать достойного примера своему ребёнку, и государство вынуждено брать бремя его воспитания и социализации на себя. Однако в данном решении можно заметить парадоксальность: механизм, по которому чем больше люди злоупотребляют вредными привычками, тем большее обеспечение получают беспризорные дети, с точки зрения морали не совсем состоятелен. Не является ли аморальным подобный подход к решению задач по противодействию беспризорности?

20 июня 1927 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, утвердившее новое Положение о комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. Данное положение внесло большую бюрократизацию и формализацию в работу с детьми. В этот же период была создана Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского. С 20 октября 1927 г. до 1 июля 1935 г. коммуной руководил А. С. Макаренко. Проект Коммуны им. Ф. Э. Дзержинского учёл опыт Колонии имени М. Горького. Ключевым отличием трудовой коммуны от колонии являлся тот факт, что в трудовой коммуне содержались воспитанники до 25 лет, причём туда не брали осуждённых по тяжким преступлениям против личности (убийства, изнасилования и т.д.). В трудовые коммуны переводились молодые осуждённые из учреждений с более строгим режимом, вставшие на путь исправления. В 1933 г. экс-премьер Франции Э. Эррио и другие французские гости, осматривая детскую трудовую коммуну, высоко оценили её достижения в ресоциализации беспризорных. А. С. Макаренко создал собственную систему трудового перевоспитания, основанную на принципах самоорганизации, самостоятельного обустройства быта. Воспитанники совмещали работу с учёбой, на производстве практиковался хозрасчёт [1]. Методику А. С. Макаренко поддерживали французский поэт и коммунист Л. Арагон, французский писатель и коммунист А. Барбюс. За заслуги в осуществлении профессиональной педагогической деятельности ЮНЕСКО отнесла А. С. Макаренко к четырём педагогам, определившим способ педагогического мышления в XX веке [10].

19 марта 1928 г. был издан Циркуляр наркома Просвещения, ставивший основной задачей работу по ликвидации уличной детской беспризорности в кратчайшие сроки. Планировалось проведение ряда операций, имеющих статус, сопоставимый с боевыми заданиями [5, с. 137]. Составлялись оперативные планы, в которых центральным пунктом являлось одновременное изъятие бездомных детей для размещения их в приёмниках, детских

домах и приютах. После приёмников и прочих учреждений временного содержания дети помещались в крестьянские семьи, отдавались кустарям, в колхозы или совхозы. Тщательность планирования подобных операций объяснялась связью беспризорников с организованной преступностью. Представители криминального мира использовали беспризорных подростков подобно инструменту, ведь они были идеальными исполнителями – не социализированные, не приученные к труду, беспризорные были готовы за пропитание исполнить практически любое преступное поручение. К особенностям данного периода можно отнести активное применение методик трудового воспитания и существенные успехи в ресоциализации беспризорных. От единичных случаев начинает складываться единая система, формализованная и подотчётная государственной власти. Система А. С. Макаренко приобретает мировую известность.

Успехи индустриализации способствовали росту благосостояния трудящихся таким образом, что возникла необходимость перейти от противодействия беспризорности к её полной ликвидации. 29 января 1933 г. было принято Постановление СНК РСФСР «О мерах борьбы с детской беспризорностью и ликвидации уличной безнадзорности». Данное Постановление предусматривало создание детской общественной инспекции с целью наблюдения за изъятием беспризорных с улиц, а также противодействию антиобщественным проявлениям отдельных групп детей на улицах и в общественных местах. Эта инспекция брала на себя функцию наблюдения за положением детей, находящихся в неблагоприятных бытовых условиях, контроль над постановкой работы в детских домах. Снова были приняты меры против посторонних лиц – предписывалось обязать соответствующие городские советы в месячный срок провести выселение посторонних жильцов из помещений детских домов. В данный период внимание обращается не только на беспризорных, но и на ответственность родителей за соответствующее положение детей.

20 апреля 1935 г. был издан Циркуляр Верховного Суда и Прокуратуры СССР, в котором давалось пояснение относительно утраты силы ст. 22 УК РСФСР. Данная статья была введена ранее и устанавливала применение высшей меры наказания для несовершеннолетних. Данный Циркуляр допускал в исключительных случаях применение смертной казни к несовершеннолетним на основании решений областных судов, утверждённых Верховным Судом и Прокуратурой. Устанавливалась уголовная ответственность опекунов, использующих опеку в корыстных целях в форме занятия жилой площади, использования имущества, оставшегося после смерти родителей и прочего, и оставляющих опекаемых детей без надзора и необходимой материальной помощи (с течением времени опекунство стало казаться многим хорошим подспорьем для удовлетворения корыстных целей).

1 апреля 1936 г. было принято Постановление ЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся». В данном Постановлении вводится институт патроната как воспитания в приёмной семье. Закрепляются обобщение практики по патронату, а также исключительно добровольные начала патроната. Семьи, куда отдавался ребёнок на патронат, тщательно проверялись государственными органами, чтобы не допустить фактического возвращения ребёнка к беспризорности, при котором воспитатель ещё будет получать денежные средства за неисполняемые им обязанности [9, с. 27].

К 1940 г. Советское государство практически полностью отказалось от политики перевоспитания беспризорников. Беспризорность и безнадзорность отныне почти всегда шла в связке с преступностью. Остановить распространение детской преступности, по мнению руководства страны, могло только ужесточение мер ответственности. Безусловно, данный подход, который отходит от принципов воспитательной работы А. С. Макаренко, не может не вызывать критики. Период 1935-1940 гг. отличается, прежде всего, тем, что от попытки перевоспитать и ресоциализировать беспризорников с целью интеграции их в советское общество наблюдается переход в сторону изоляции таких лиц от общества, применения к ним карательных мер, воздействия жёсткой дисциплиной в местах содержания.

В целом период 1920-1940 гг. характеризуется самым широким спектром мер по ресоциализации беспризорных, включающим меры социально-экономического, педагогического, правового характера, направленные на интеграцию беспризорных в социалистическое общество. Однако в итоге государству удалось решить далеко не все поставленные задачи.

Проблема детской беспризорности и безнадзорности в нашей стране существует и в настоящее время. Росту беспризорности способствуют экономическая нестабильность, повышение уровня безработицы, кризис института семьи, аморальное (а часто и противоправное) поведение родителей, жестокое обращение с детьми. В современном российском законодательстве понятие безнадзорности содержится в Федеральном законе «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В соответствии с законом к категории безнадзорных относятся такие дети, контроль за поведением которых отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по их воспитанию, и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц. Также в настоящее время функционирует благотворительный фонд «Центр помощи беспризорным детям» при Торгово-промышленной палате РФ, который имеет государственную поддержку, иные специализированные общественные структуры.

На наш взгляд, с целью совершенствования законодательства по противодействию беспризорности необходимо внести поправки в Федеральный закон об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обратившись к положительному опыту применения методики А. С. Макаренко. Больше внимание следует уделить трудовому воспитанию, при этом ориентируясь на реалии информационного общества. С целью повышения уровня правосознания можно привлечь воспитанников к содействию в оказании бесплатной юридической помощи населению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Т. А. Социально-педагогическая работа с беспризорными детьми и несовершеннолетними правонарушителями в Болшевской трудовой коммуне // Вестник НовГУ. – 2011. – №64. – С. 11-15/
2. Билим Н. Н. Проблемы ликвидации беспризорности в СССР в 1920-1930 гг. (правовой аспект) // Общество и право. – 2011. – №1 (33). – С. 13-16.
3. Зилов С. А. Детское право // Энциклопедия государства и права / под ред. П. Стучки. – М., 1925. – Т. 1. – С. 882-886.
4. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 92-98.
5. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11. – С. 134-139.
6. Рыбак С. В. Государственно-правовая деятельность по преодолению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в советской России в 20-30-е годы XX века // ЮП. – 2016. – №5 (78). – С. 10-15.
7. Сафин Ф. Ю. Из истории развития законодательства России об уголовной ответственности несовершеннолетних // История государства и права. – 2009. – № 1. – С. 28-29.
8. Славко А. А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия АлтГУ. – 2009. – №4-4. – С. 229-234.
9. Смирнова Т. М. «Любимые дети советской республики»: история патронирования детей в советской России. 1918-1930-е гг. // Вестник РУДН. – 2007. – №2 (8). – С. 25-37.
10. Терещенко Г. Ф. Вопросы духовно-нравственного воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко // Гаудеамус. – 2017. – №3. – С. 83-87.

КЛИМОВ С. А., ЛЕЗИНА Е. П.
РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО
ДРЕВНЕЙ РУСИ (IX – XIV ВВ.)

Аннотация. В статье анализируются особенности регулирования уголовно-правовых отношений в Древней Руси в эпоху раннего феодализма (IX – XIV вв.). Исследованы памятники истории и права Древней Руси этого периода. Проведен анализ положений, относящихся к уголовно-правовой сфере. Цель исследования: проанализировать историю возникновения базовых уголовно-правовых институтов в Древней Руси и показать преемственность уголовно-правового законодательства и науки.

Ключевые слова: уголовное право Древней Руси, Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники 1497 г. и 1550 г., преступление (обида), уголовное наказание, уголовная ответственность, смертная казнь.

KLIMOV S. A., LEZINA E. P.
EARLY FEUDAL CRIMINAL LAW
OF ANCIENT RUSSIA (IX – XIV CENTURIES)

Abstract. The article analyzes the features of the regulation of criminal law relations in Ancient Russia in the era of early feudalism (IX-XIV centuries). Monuments of the history and law of Ancient Russia of this period are studied. The analysis of provisions related to the criminal law sphere is carried out. The study aims to analyze the history of the emergence of basic criminal law institutions in Ancient Russia and to show the continuity of criminal law and science.

Keywords: criminal law of Ancient Rus, Russkaya Pravda, Pskov Judicial Letter, Judicial Codes of 1497 and 1550, crime (offense), criminal punishment, criminal liability, death penalty.

История российского уголовного законодательства уходит своими корнями к истокам российской государственности. В этом смысле к источникам уголовного права на этапе его зарождения можно считать правовые обычаи и договоры. Из самых известных договоров того периода называют договоры с греками, которые заключали великие князья Олег и Игорь, в частности, можно упомянуть договоры 911 г. и 944 г. [6, с. 181]. Что касается обычаев того периода, они, кстати, не были четко систематизированы и не имели письменного выражения. Обычно они применялись как символические процедуры, сопровождавшие совершение каких-либо значимых действий. Например, при заключении договоров целовали крест. До наших дней дошел Договор между сыновьями Ивана Калиты 1341 г., хотя практика договорного регулирования использовалась уже в X веке. В договорах регулировались в основном отношения государственно-правового характера.

Известнейшим памятником русского права, где уже были нормы уголовно-правового характера, является Русская Правда, датируемая XI-XII вв. Большинство ее положений имеют именно уголовно-правовое содержание. По этой причине об истории уголовного права Древней Руси в рамках настоящей статьи мы будем говорить в контексте анализа положений данного документа.

Текст самой Русской Правды был обнаружен в 1738 г. В. Н. Татищевым. С этого времени и началось собственно изучение ее текста. В печати о ней впервые упомянул проф. Ш. де Пирмонт в 1756 г. Известны несколько текстов (списков) и редакций Русской Правды. Основными редакциями явились Краткая (в двух списках XV в.), Пространная (ок. 1113 г.) и Сокращенная (сер. XV в.) [13, с. 59; 5, с. 10].

В тексте Русской Правды фактически собраны древнейшие уголовно-правовые обычаи. Также в основе данного законодательного акта лежат уставы князей, судебные решения и некоторые установления из договоров Руси с Византией. Причем специфика соответствующих положений Русской Правды такова, что некоторые из них дословно воспроизводят те судебные решения, которые приняты за обязательное правило поведения. В то же самое время очевидна попытка обобщения некоторых таких решений и формулирования на их основе общих норм. Положения же княжеских уставов и договоров с Византией в тексте Русской Правды представлены как прецедентные решения. По Русской Правде получилось, что уголовный закон рассматриваемого периода являл собой совокупность правовых положений в форме обычно-правовых установлений и архаичных судебных прецедентов об уголовных деяниях и их последствиях.

Далее проанализируем основные положения Русской Правды, относящиеся именно к уголовному праву. Здесь следует отметить, что Русской Правде не был известен термин «преступление». Его синонимом было слово «обида». Обидой считалось причинение физического, материального, морального ущерба личности человека или его имуществу. Причем любое такое причинение вреда можно было расценивать как моносодержательное в том смысле, что на тот период времени не было дифференциации между преступлениями в буквальном смысле данного слова и гражданскими деликтами [3, с. 136].

По церковным правилам того времени преступление рассматривалось как грех, то есть творимое человеком деяние, которое в речи высказано, сотворено в деле или только задумывалось против вечного закона. Тяжесть греха при этом связывалась с волей или несмышлением, а сам грех мог быть тяжким или легким [12, с. 10].

При этом субъектами преступлений по Русской Правде считались феодалы и феодально-зависимые крестьяне, городские люди. Несвободных людей за совершение преступления можно было убить. Если преступление совершали несколько человек, то они

привлекались к ответственности в равной мере, независимо от того, какова была роль каждого в совершении преступления.

Степень ответственности за преступление зависела от общественного положения правонарушителя и даже от его пола. Например, убийство князя наказывалось штрафом в 80 гривен, а его помощника – штрафом в 5 гривен (ст. 88). При квалификации преступлений в области семейно-правовых отношений штрафы за жизнь женщины были в два раза ниже штрафов за жизнь мужчины. Возрастных ограничений уголовной ответственности в Русской Правде не предусматривалось. Не было и института вменяемости. В то же время зарождался институт индивидуальной ответственности. Есть некие отличия при квалификации соучастия – оно каралось более жестко.

Попробуем определить виды уголовного наказания по Русской Правде. Это, прежде всего, поток и разграбление, суть которого заключалась в том, что преступник и члены его семьи становились полностью несвободными (рабами), что также сопровождалось конфискацией имущества. За убийство предусматривалась вира – особый вид денежного штрафа в сумме 40 гривен. Родственникам убитого назначали «головничество» – денежную выплату.

Как самостоятельный вид уголовного наказания предусматривалась «дикая вира» – денежный штраф с верви, к которой принадлежал преступник. Дикая вира взыскивалась, когда преступник-убийца состоял с членами такой верви в отношениях круговой поруки или когда совершенное им убийство осуществлялось при разбойном нападении, и вервь прикрывала его, не разыскивала и не выдавала убийцу.

За убийство холопов князя и смердов взималось вознаграждение, размер которого в среднем был приблизительно 10 гривен. Отдельный вид наказания – продажа (штраф). Его размер составлял 3 или 12 гривен. Такой штраф взимался в пользу князя. Пострадавшим от обид назначалось особое наказание от самих обидчиков – урок.

Чаще всего за преступления применялась продажа. Самым жестким видом наказания были поток и разграбление. Согласно летописи, за преступления применялась и смертная казнь.

Преступления по Русской Правде не были систематизированы, но в ряду главных их видов можно назвать преступления против личности и преступления против имущества. К преступлениям против личности относились оскорбления действием, телесные повреждения, убийства и пр. Преступлениями против имущества были кража (татьба), конокрадство, пограбление посевов, использование чужого имущества и пр. [1, с. 8]. Такие виды преступлений, как преступления против государства, преступления против церкви, должностные преступления самостоятельными деяниями по Русской Правде не признавались, хотя, по

утверждениям отдельных авторов, можно было выделять как особый вид преступления по Русской Правде преступления против семьи и нравственности [11, с. 19].

Таким образом, в Русской Правде были заложены основы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Именно с этого документа начинается собственно уголовное право нашего государства (имеется в виду отраслевой срез).

Если соблюдать хронологию, то следует упомянуть такие важные историко-правовые документы, как Новгородская и Псковская судные грамоты. Время составления первого документа, как и его содержание, точно неизвестны. Обычно называют время 1440, 1446, 1456 гг. [10, с. 33].

Псковская судная грамота была составлена в 1467 г. Она состоит из 120 статей, хотя дополнялась и пересматривалась несколько раз. Текст Грамоты был обнаружен в 1847 г. Н. Музаркевичем [14, с. 47]. Грамота содержала нормы материального уголовного и процессуального права. Однако, здесь уже дифференцированы нормы уголовного и гражданского права, причем очевиден уклон в сторону гражданско-правового регулирования. При этом много изменений и в уголовном праве. С этого времени легализованы такие виды преступлений, как государственные и должностные преступления, смертная казнь.

При характеристике преступления по Псковской судной грамоте к нему стали относить причинение вреда не только отдельным лицам, но и государству. В общем и целом, система преступлений по Псковской судной грамоте была представлена следующими видами наказуемых деяний: 1) преступления против имущества (татьба); 2) преступления против лица (обида действием); 3) государственные преступления [6, с. 336, 339].

Татьба делилась на простую и квалифицированную и разбой. Разбой существовал в двух формах: нападение вообще (наход) и разбой из корысти (с целью грабежа или поджога). За корыстный разбой устанавливалась смертная казнь.

К обиде действием относили порвание бороды и убийство. Государственным преступлением считался переест, который представлял собой сообщение неприятелю (ворогу) интересующих его сведений об Отечестве изменника.

Должностным преступлением по факту являлись предусмотренные в ст. 48 данной Грамоты действия волостеля по насильственному отнятию имущества. Они приравнивались к грабежу. Также был установлен запрет брать взятки, но никакой ответственности за них не предусматривалось [8, с. 248].

Обособленно регулировалась покупка краденой вещи. При наличии свидетелей покупки она расценивалась как законная.

Главное отличие в системе наказаний по Псковской судной грамоте заключалось в

том, что она предусматривала смертную казнь. Ее формами были повешение, сожжение, отсечение головы. Смертную казнь применяли за конокрадство, поджог, кражу в кремле, кражу в третий раз и государственную измену. Но основным видом наказания была продажа как форма штрафа. Никаких возмещений для родственников потерпевшей от преступления стороны и самого потерпевшего Псковская судная грамота, в отличие от Русской Правды, не предусматривала.

В XV веке в условиях серьезных обострений классовых противоречий стало существенно изменяться и правовое регулирование в уголовно-правовой сфере. Объективным выражением таких изменений стали Судебники 1497 г. и 1550 г. Проанализируем их содержание в интересующей нас части.

Судебник 1497 г. был разработан В. Гусевым, состоявшим в должности дьяка. Данный Судебник считается первым кодифицированным законом Русского государства. С учетом содержания он поделен на 68 статей. Следует отметить, что процессуальных норм в Судебнике больше, чем материальных. Последние представляют собой некие «вкрапления», выделенные особыми заголовками «О займах», «О христианском отказе», «О чужеземцах», «О изгородях» и т.д.

Формально дефиниции преступления в этот период так и не было выработано. Использовалась конструкция обиды, к которой относили причинение лицу материального или морального ущерба, а также любое нарушение установленных норм и предписаний, а также воли царя и государства. Воля царя и воля государства при этом рассматривались как равнозначные.

Примерно в это же время стал активно использоваться институт внесудебной расправы. Судебником 1550 г., например, уже предусматривалось «облихование» (ст. 52). В это время особое внимание уделяется вопросам систематизации уголовного наказания. Появляются новые виды наказаний, например, заключение под стражу.

Общая тенденция рассматриваемого периода – ужесточение уголовных наказаний. При этом формулировки, в которых описывались сами наказания, были размытыми. Все чаще применялась смертная казнь. Она стала делиться на простую (в виде отсечения головы) и квалифицированную (в виде колесования, посажения на кол, сожжения и т.д.).

При назначении наказания принимали во внимание пол преступника, его возраст, социальный статус и степень виновности. К уголовной ответственности за преступления, имеющие отношение к религии и духу, стали привлекать с 7 лет (возраст допущения к причастию). Отвечать имуществом можно было с 12 лет для женщин и с 14 лет для мужчин. Это связывалось с так называемым возрастом гражданской и семейной зрелости. С этого же возраста наступала и полная уголовная ответственность [11, с. 31]. Запрещалось привлекать

к уголовной ответственности без вины.

Таким образом, в исследованный нами период времени осуществляется уголовно-правовое регулирование общественных отношений, которое в последующем явилось основой имперского законодательства. Примечательным на данном этапе стал переход от регулирования в форме обычаев к регулированию на уровне законов. Можно наблюдать становление теоретической конструкции преступления (обида) и даже отметить первые попытки систематизации видов преступлений, мер ответственности за них, становления отдельных институтов уголовного права.

Систематизация соответствующих знаний привела современных исследователей к утверждению о целесообразности периодизации уголовного права данного периода. Тем самым можно оценить качественную специфику уголовно-правового законодательства периода Древней Руси в целом и на отдельных этапах внутри него, в связи с чем возможно отследить тенденции его становления и развития, например, переход от неограниченной кровной мести к ее ограничению и постепенной замене на денежный выкуп в пользу пострадавшего, а затем и к установлению нескольких видов уголовных наказаний. Такую хронологию сначала предложил И. Эверс, который связал возникновение уголовного права с возникновением наказаний за убийство и телесные повреждения [16, с. 102].

Н. П. Загоскин уголовное право Древней Руси называл эпохой частного воззрения на преступление и наказание, которое предшествовало эпохе господства устрашительных взглядов на преступление и наказание [4, с. 30].

У М. Ф. Владимирского-Буданова в древнерусском уголовном праве выделены три периода: 1) до Русской Правды (до XI в.), когда господствовала месть и зачиналась сама идея уголовного права; 2) время действия Русской Правды (XI-XIII вв.), как период «вымирания мести»; 3) эпоха судных грамот (XIV-XV вв.), когда «уголовные кары берут верх над выкупами» [2, с. 363].

В советский период данная проблема исследовалась С. В. Юшковым, который с учетом основных направлений княжеской политики в вопросах уголовно-правового содержания выделял такие периоды: 1) отмена князем Владимиром виры с ее заменой на смертную казнь и обратное возвращение к ней; 2) принятие князем Владимиром мер по дальнейшему ограничению мести; 3) мероприятия Ярославичей по установлению новых составов преступлений и применению наказаний [15, с. 360].

Современные исследователи различают следующие периоды в истории древнерусского уголовного права: 1) юридическое оформление Русской Правды в период становления феодальных отношений и переходу к феодальному типу государства (примерно XI в.); 2) формализация уголовного права в XII-XIII в.; 3) систематизация уголовного

законодательства о преступлениях и наказаниях (XIV – начало XVII в.) [7, с. 95-96].

На наш взгляд, идея о необходимости проведения периодизации уголовного права исследуемого периода заслуживает безусловного внимания и всемерной поддержки. Учитывая ее многовариантность, можно получить единое представление о тенденциях уголовно-правового регулирования этого периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихаджиева И. С., Даурова Т. Г., Лиценбергер О. А. Уголовное право: история и современность. Вопросы общей части: учеб. пособие / под ред. Т. Г. Дауровой. – Саратов: ПАГС, 2010. – 223 с.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. – М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.
3. Жук М. С. Период зарождения и становления уголовного права // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – №3. – С. 133-136.
4. Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России: Речь, чит. 5 ноября 1891 г., в торжеств. годич. собр. Имп. Казан.ун-та. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1892. – 102 с.
5. Конев А. Н. Идеология разрешения конфликта по Русской Правде // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – №4. – С. 8-14.
6. Мрочек-Дроздовский П. Н. История русского права до конца XVII столетия. – М.: Статут, Классика права, 2005. – 316 с.
7. Перепечкина Е. Г. Основные этапы становления уголовного права Древнерусского государства // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – №12-7. – С. 94-96.
8. Рогов В. А. История государства и права России IX – начало XX веков. – М.: Юристъ, 2000. – 256 с.
9. Рогов В. А. Проблемы истории Русского уголовного права: дисс. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – 373 с.
10. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / под общей ред. О. И. Чистякова. Том 1: Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.
11. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М.: Норма, 2016. – 496 с.
12. Рыбин И. В. Истоки уголовного права Древней Руси: влияние христианской уголовно-правовой традиции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – №3. – С. 10-13.
13. Салтыков С. Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. – 1997. –

№1. – С. 59-62.

14. Титов Ю. П. История государства и права России. – М.: Юрид. лит., 1997. – 472 с.
15. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. – 546 с.
16. Эверс И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. – С.-Пб.: Тип. Штаба отд. корп. внутренней стражи, 1835. – 442 с.

БОГАЧЕВА Е. В., КОЧКУРОВА К. С.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА АУДИОВИЗУАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «аудиовизуальное произведение». Особенное внимание уделено мерам гражданско-правовой ответственности за нарушение прав на аудиовизуальное произведение. Выявлены особенности правового регулирования данной сферы отношений.

Ключевые слова: авторское право, аудиовизуальное произведение, возмещение убытков, взыскание компенсации.

BOGACHEVA E. V., KOCHKUROVA K. S.

CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF COPYRIGHT TO AUDIOVISUAL WORK

Abstract. The article deals with the concept of audiovisual work. Special attention is paid to the measures of civil liability for violation of legal rights to an audiovisual work. The authors consider the features of the legal regulation of this sphere of civil relations.

Keywords: copyright, audiovisual work, compensation for damages, recovery of compensation.

Значительную часть современной жизни человек посвящает просмотру объектов киноиндустрии или прослушиванию музыкальных произведений. За последние два-три года 50% россиян хотя бы один раз смотрели фильмы в кинотеатре. Чаще других в кино можно встретить человека 25–34 лет; те, кто помладше, предпочитают Интернет, постарше – телевизор [10].

Следует отметить, что понятие «произведение» в законодательстве не зафиксировано. В доктрине содержатся разные варианты дефиниций. Так, например, Серебровский В.И. предлагает понимать под произведением «совокупность идей, мыслей, образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающие возможность воспроизведения» [3, с. 32]. ГОСТ Р 7.0.3-2006 же дает следующее определение данного понятия: «Результат авторской работы творческого характера, имеющий вид законченного продукта, который может быть опубликован в издании» [8].

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются

произведения науки, литературы и искусства.

Объекты авторских прав указаны в п. 1 ст. 1259 ГК РФ, а понятие «аудиовизуальное произведение» закреплено в п. 1 ст. 1263 ГК РФ (это произведение, которое включает в себя зафиксированную серию связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком), а также это произведение предназначено для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств). Выделяют следующие виды аудиовизуальных произведений: кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы, и другие подобные произведения), вне зависимости от способа их первоначальной или последующей фиксации. Как правило, аудиовизуальные произведения включают совокупность объектов творчества, созданных разными авторами. Целостность аудиовизуального произведения, несмотря на то что оно объединяет в себе несколько результатов интеллектуальной деятельности разных лиц (например, сценарий, фонограмму и др.), является особенностью, отличающей его от иных видов творческой деятельности.

Согласно п. 2 ст. 1225 ГК РФ интеллектуальная собственность охраняется законом. Однако в последнее время все заметнее становится тенденция нарушения прав на аудиовизуальное произведение. Более 3300 нарушений авторских прав выявила Генеральная прокуратура РФ в 2020 году [9]. В прошлом году прокуроры подали в суды более 1000 исков и заявлений о нарушении прав на интеллектуальную собственность, большинство из которых рассмотрено и удовлетворено.

Отметим, что не каждый результат творческой деятельности может являться аудиовизуальным произведением. Так, видеозапись, содержащая сведения о событиях и фактах, имеющих исключительно информационный характер, не является объектом авторского права; для признания телепередачи аудиовизуальным произведением необходимо наличие ряда дополнительных характеристик; видеозапись спортивных соревнований не является аудиовизуальным произведением, если она не происходит по определенному сценарию и не благодаря творческому труду авторов [2, с. 98]. Поэтому использование и распространение вышеперечисленных объектов не будет являться нарушением авторского права.

У участников гражданского оборота должны быть серьезные основания, предупреждающие несанкционированное использование чужих охраняемых законом объектов [6]. В соответствии с нормами действующего российского законодательства установлены следующие виды юридической ответственности за нарушение прав на аудиовизуальное произведение:

1) гражданско-правовая ответственность. В ст. 1252 ГК РФ закреплены общие способы защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности. Автор же аудиовизуального произведения имеет право требовать либо возмещения убытков, либо выплаты компенсации;

2) административно-правовая ответственность – закреплена в ст. 7.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и определяет основной мерой ответственности административный штраф;

3) уголовно-правовая ответственность – включает применение таких видов уголовного наказания, как штраф, исправительные и обязательные работы (ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Особое внимание стоит уделить гражданско-правовой ответственности за нарушение прав на аудиовизуальное произведение.

Рассматривая особенности такого способа, как «требование возмещения убытков», следует заметить, что ранее в судебной практике автор аудиовизуального произведения должен был в обязательном порядке при рассмотрении дела в судебном процессе указать полный размер причиненных ему убытков. Определить в точной сумме размер убытков не представлялось возможным. Если данное судебное требование не выполнялось истцом, то в целом это приводило к отказу в удовлетворении требования о взыскании. По этой причине законодатель разработал схемы для расчета выплат компенсации (п. 3 ст. 1252 ГК РФ). При наличии данных обстоятельств правообладатель, обратившийся за защитой права, освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Автор может рассчитывать на минимально установленную выплату, назначенную судом, при доказанности нарушения его прав.

Например, в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 3 июля 2020 г. №С01-228/2020 по делу №А40-314711/2018 суд при разрешении спора между индивидуальным предпринимателем Лялиной Еленой Викторовной и обществом с ограниченной ответственностью «ИДС Боржоми», обращается к положению п. 3 ст. 1263 ГК РФ, а также разъяснениям, изложенным в п. 110 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 №10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Истец обратился в суд с иском о признании действий по использованию аудиовизуального произведения «Изумруд», в состав которого входит созданное предпринимателем исполнение, нарушением исключительного права предпринимателя; о запрете ответчику использования аудиовизуального произведения «Изумруд»; о возмещении ущерба в размере 500 000 рублей. В ходе рассмотрения спора суд установил факты принадлежности истцу исключительного права на исполнение, факт

незаконного использования ответчиком принадлежащего истцу объекта и, как следствие, наличие оснований для взыскания материального ущерба с ответчика. Таким образом, возмещение убытков по делу составило 500 000 рублей в пользу нарушенного права индивидуального предпринимателя на использование аудиовизуального произведения [5].

Для применения такой меры гражданской ответственности как компенсация за нарушенное право на аудиовизуальное произведение необходимо наличие факта противоправности поведения. Отметим, что взыскание компенсации не зависит от наличия убытков. Правообладатель в этом случае не должен доказывать причинение и размер данных убытков, его главная задача – доказать факт нарушения своего авторского права. При определении судом размера компенсации размер причиненных убытков может иметь решающее значение в качестве обстоятельства дела, учитываемого в пользу правообладателя. Таким образом, установленная судом сумма взыскания компенсации может превышать сумму причиненных убытков правообладателю. Но данная норма реализуется на практике с учетом конкретных обстоятельств.

Статья 1301 ГК РФ предусматривает три возможных варианта расчета компенсации:

- 1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;
- 2) двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;
- 3) двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель [1].

Рассмотрим постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2010 года по делу №А40-13310/09-51-155 [4]. ООО «Новый русский сериал» обратилось в суд с иском за нарушение прав на аудиовизуальное произведение «Улицы разбитых фонарей». Ответчиком по делу выступили ООО «Феникс-Фильм»; ООО «Люксфильм». Предметом спора стали переработка и создание на основе имеющегося сериала нового произведения с использованием старых персонажей. В суде ООО «Новый русский сериал» доказывало факт наличия обстоятельств, нарушающих авторское право на произведение, и требовало взыскать компенсацию в размере 1 051 773 100 руб. Сумма высчитывалась исходя из положения п. 2 ст. 1301 ГК РФ. Так как факт нарушения был доказан, с ответчиков в пользу истца была взыскана компенсация в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения. Пересматривая дело, апелляционный суд уменьшил сумму выплат и взыскал с каждого из ответчиков по 90 005 900 руб. Данному судебному разбирательству до настоящего времени принадлежит одна из самых больших компенсаций за нарушение прав на аудиовизуальное произведение.

Складывающаяся правоприменительная практика позволяет сделать вывод о том, что правообладатели, чьи авторские права были нарушены, чаще обращаются в суд с требованием о взыскании убытков. Установленный ГК РФ размер компенсации за нарушение прав на аудиовизуальное произведение не всегда может покрыть убытки, причиненные правообладателю. Несмотря на то, что максимальный размер выплат составляет 5 млн. руб., имущественные потери могут в разы превышать данную выплату [7]. Но между тем, как было указано ранее, посчитать точный размер убытков не всегда возможно, а то, что устанавливает суд – недостаточно. В связи с этим нам представляется, что взыскание компенсации как способ ответственности за нарушение прав на аудиовизуальное произведение более эффективно, чем возмещение убытков.

По нашему мнению, можно предложить ввести еще один способ защиты прав автора, а именно возмещение полученного дохода нарушителем, при сохранении возможности взыскания в твердой сумме. Лицо, нарушившее авторское право на произведение и получившее в результате нарушения этого права материальные средства, должно возместить законному правообладателю сумму, равную размеру полученных средств, помимо того, что назначит суд в виде возмещения убытков или взыскания компенсации.

Проблема защиты авторских прав и ответственности за их нарушения является достаточно актуальной в настоящее время. Защита нарушенных прав осуществляется нормами уголовного, административного и гражданского права. Для устранения имущественных последствий нарушения наибольшее значение имеют меры гражданско-правовой ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №52. – Ст. 5496.
2. Близнец И. А., Леонтьев К. Б., Кубышкин А. В. Правовая охрана авторских и смежных прав в Российской Федерации. – М., 2017. – 270 с.
3. Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. – 252 с.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2010 г. по делу №А40-13310/09-51-155 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resheniya-sudov.ru/2010/119093/> (дата обращения 09.10.2021).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 3 июля 2020 г. №С01-228/2020 по делу № А40-314711/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=64154&dst=100001#5uwPXiSMNT6QpMeW1> (дата обращения 09.10.2021).

6. Волкова Н. А., Уляшева В. В. К вопросу о несовершенстве законодательства РФ, регламентирующего порядок привлечения к ответственности за нарушение права интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-nesovershenstve-zakonodatelstva-rf-reglamentiruyuschego-poryadok-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-narushenie-prava/viewer> (дата обращения 09.10.2021).

7. Ворожевич А. С. Взыскание убытков и компенсация как меры ответственности за нарушение исключительного права на патентоохраняемый объект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7758> (дата обращения 09.10.2021).

8. ГОСТ Р 7.0.3-2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные элементы. Термины и определения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=STR&n=13981#19fTsiS1b1t0dQG5> (дата обращения 09.10.2021).

9. Более 3300 нарушений авторских прав выявила Генпрокуратура в 2020 году [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2021. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/231681/>. (дата обращения 01.10.2021).

10. Как часто россияне ходят в кино, и что они там смотрят. Исследования Wanta Group и ВЦИОМ [Электронный ресурс] // Sostav.ru. – 2021. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/issledovanie-kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-nedavno-khodil-v-kino-38932.html> (дата обращения 15.10.2021).

ПОЖАРОВА А. С.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ АДВОКАТОВ

Аннотация. В данной статье анализируется понятие профессионального правосознания адвоката, его содержательные характеристики, структурные элементы, особенности профессиональной психологии; соотнесены профессионально-правовая психология и идеология адвоката как представителя юридического сообщества. Особое внимание отводится сопоставлению таких типов профессионального правосознания как правосознание адвоката, юрисконсульта, судьи, прокурора, следователя, дознавателя.

Ключевые слова: профессиональное сознание адвоката, профессиональное сознание юриста, адвокатское сообщество, правовой статус адвоката, правосознание, Кодекс профессиональной этики адвоката.

POZHAROVA A. S.

PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS OF LAWYERS

Abstract. This article analyzes the concept of professional legal consciousness of a lawyer, i.e., its content characteristics, structural elements, features of professional psychology. The authors correlate professional legal psychology and the ideology of a lawyer as a representative of the legal community. Special attention is paid to the comparison of such types of professional legal consciousness as the legal consciousness of a lawyer, a legal adviser, a judge, a prosecutor, an investigator, an inquirer.

Keywords: professional consciousness of lawyer, professional consciousness of legal adviser, legal community, legal status of lawyer, legal consciousness, Code of Professional Ethics of Lawyer.

Профессиональное правосознание адвокатов чаще всего характеризуется как совокупность правовых идей, чувств, убеждений, оценок, выражающих отношение членов адвокатского сообщества к праву, поведению людей в сфере правового регулирования.

Полная характеристика профессионального правосознания адвоката невозможна без анализа его структуры, совпадающей в значительной мере с общей структурой правосознания, но весьма специфичной (как раз из-за особого субъекта-носителя). Дело в том, что профессиональное правосознание адвоката как разновидность юридического правосознания вообще не является обыденным в традиционном понимании. Адвокат не может трактовать право, руководствуясь, например, «смутными» представлениями о нем, о вытекающих из конкретных нормативных положений правах и обязанностях субъектов правоотношений. Непрофессиональное отношение адвоката к праву – не обыденное

правосознание, а его деформация. И мы здесь полностью согласны с Н.Я. Соколовым, который выделяет кроме обыденного уровня правосознания еще и практический уровень. Как же они различаются?

Профессиональное сознание юристов в некоторой степени можно назвать обыденным, но формирующимся на качественно более высоком уровне, влияющем на профессиональную деятельность. Личность, как носитель обыденного сознания, благодаря ему только ориентируется в окружающей реальности, но не имеет глубокого представления о сути этой реальности. Через практическое сознание она включается в эту реальность. Такое сознание, в отличие от обыденного, основано на конкретном правовом опыте, как личном, так и групповом (общественном). В его основе лежат конкретные, четкие модели деятельности. В правовой сфере оно есть результат взаимодействия личности и публичных властных структур. Так как юристы-практики (в том числе адвокаты) в процессе своей деятельности формируют, развивают свои знания и навыки, то их правосознание является практическим.

Профессионально-практическое правосознание тесно связано с научно-теоретическим. Это легко объяснимо, так как осознанность правовых явлений приходит с опытом. Естественно, квалифицированную практическую деятельность юридического работника невозможно осуществлять без усвоения определенных научно-теоретических знаний. Как правило, юристы, имеющие большой профессиональный опыт наряду с научными знаниями, являются и творческими людьми, создателями основ правовой науки. Многие современные юристы-практики, такие как Ю. С. Пилипенко, Л. В. Бухтоярова, А. А. Евстифеев, С. В. Васильев, являются и известными учеными.

Суть правосознания находит глубинные корни (истоки) в самом праве, как действовавшем, так и действующем. Оно – объект познания и отражения, основа любой правовой деятельности. А потому правосознание в некотором смысле вторично при его соотношении с самим правом, поскольку является средством и формой познания права, а иногда даже и формой выражения последнего.

Носитель профессионального правосознания в контексте исследуемой нами темы – это адвокат как представитель сообщества юристов-профессионалов. Адвокат – это лицо, получившее статус адвоката, оказывающее квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам и защищающее их права, свободы и законные интересы. Адвокат получает свой статус в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» [4]. Адвоката, в сущности, можно определить как независимого советника лица по юридическим вопросам [5].

Специфика правовой психологии адвоката проявляется в структуре его профессионального правосознания, в ее особенностях. Ведь адвокат использует для решения

профессиональных вопросов не только нормы права, но и моральные принципы. А это значит, что у адвоката формируется свое отношение к праву, к практике его реализации. Правовая психология адвоката, прежде всего, является разновидностью профессиональной правовой психологии, которая, по словам Н. Я. Соколова, «неразрывно связана с повседневной юридической практикой, профессионально-правовая психология выступает в качестве первоначальной сферы правового сознания юристов, представляя собой органическое единство сознательного и бессознательного, эмоционального и рационального, прямо и непосредственно отражающего повседневные нужды профессиональной юридической группы» [7].

Адвокат в своей профессиональной деятельности взаимодействует с прокуратурой, судом, следственными органами – это специфика его работы, влияющая на его профессиональную психологию. Например, в уголовно-процессуальной сфере познавательная деятельность следователя, судьи, прокурора направлена на установление объективной истины по делу. Уйти от этой цели адвокат не может, но, оказывая помощь своему доверителю, он максимально защищает его права, свободы и законные интересы (ст.1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Особое внимание при этом адвокат должен уделить формированию так называемой «линии защиты», в рамках которой он, кроме законодательства, ориентируется и на фактические обстоятельства конкретного дела. И добивается цели своей деятельности адвокат с учетом ошибок, допускаемых другими участниками процесса. Он также толкует правовые нормы, обязательные указания Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с позицией клиента по данному вопросу, если это установлено законодательством. Чтобы осуществлять такую деятельность, адвокат должен улучшать и совершенствовать свои профессиональные умения и способности.

Согласно подпункту 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» у адвоката и его доверителя должна быть одинаковая позиция, если, конечно, подзащитный сам не предупредил об ином. Но это положение не распространяется на юрисконсультов, которые в гражданском и административном судопроизводстве выполняют схожие с адвокатом функции. А судья, прокурор, следователь вообще не связаны с позицией подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и других участников судебного разбирательства.

Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты прав, свобод и законных интересов гражданина (подпункт 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в то время как другие юристы имеют

такое право. В п. 1 ст. 8 указанного Федерального закона закреплено: «адвокат должен хранить адвокатскую тайну, то есть любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи своему доверителю». А, например, юрисконсульты и частнопрактикующие юристы не обязываются сохранять в тайне данные своих клиентов. Как закреплено в ч. 3 ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1], адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не подлежит допросу в качестве свидетеля «об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием...».

Адвокат – это человек, который очень уязвим к несправедливости, в том числе и правовой. Известно немало случаев, когда невиновные люди оказывались осужденными и несли наказание, как настоящие преступники. А чтобы такие случаи свести к нулю, адвокат старается отстоять справедливость и правду, обеспечить верховенство права и защитить правопорядок, особенно от необоснованных посягательств со стороны государства.

Сознанию адвоката присущ «оправдательный уклон», так как он защищает своего доверителя. Для него характерно требование либерализации и демократизации законодательства и деятельности судебно-следственных органов. А вот в сознании следователей и прокуроров, напротив, проявляется «обвинительный уклон». Он направлен на ужесточение наказания, нежелание учитывать аргументы в защиту подозреваемого и обвиняемого.

Профессионально-правовая психология судей, прокуроров и адвокатов различается, в том числе и потому, что на нее влияют различные этические нормы и традиции. Их нравственные основы во многом отличаются, потому что они выполняют различные функции в правовой системе. В этой связи поведение адвоката оказывается менее зависимым от государства, чем поведение прокурора, следователя, судьи. Кодекс профессиональной этики адвоката [2] принят адвокатским сообществом, а Кодекс этики прокурорского работника утвержден Генеральным прокурором Российской Федерации, то есть исходит от государства [3].

Когда адвокат выстраивает «линию защиты», ему особенно важно «прислушиваться» к своей нравственно-правовой совести. Конечно, это важно и для судьи, прокурора, следователя, но их деятельность подконтрольна государственным органам и должностным лицам.

Адвокат – это профессионал в вопросах оценки правовых явлений и правовой действительности. Уровень его знаний выше, чем у представителей неюридических профессий. Профессионально-правовая идеология адвоката в меньшей степени отличается от правосознания других юристов, нежели чем правовая психология. Это связано с тем, что

адвокат является «правозаступной» фигурой в сфере судопроизводства, он понимает правовые идеи, взгляды и теории со своих, специфических позиций.

Профессионально-правовая идеология адвоката отличается от идеологии судей, прокуроров, следователей тем, что она более либеральна. Адвокаты, защищающие доверителей, – сторонники идей свободы, либерализма и демократии, они используют либерально-правовые теории и правоприменительную практику для оправдания подзащитного или смягчения назначаемого ему наказания.

Для профессиональной деятельности адвоката важно то, что он должен ориентироваться во всех отраслях права, как судья и прокурор. Ведь адвокат может отстаивать права и законные интересы своего доверителя в гражданском, конституционном, административном производствах, в Европейском суде по правам человека. Также адвокат консультирует по корпоративным, брачно-семейным, земельным, избирательным, жилищным, налоговым вопросам.

Если сравнивать речь адвоката и прокурора, то адвокат является более вольным в выражении своих мыслей. Его речь менее формальна, она опирается на идеологию правосознания адвоката. А для речи прокурора характерны так называемые штампы, образцы. Адвокаты умеют принимать решения со «многими неизвестными», мысля творчески. А насколько сложно каждый раз принимать новые, динамично меняющиеся обстоятельства? По результатам исследования [6] можно сказать, что адвокаты со стажем свыше 15 лет достигли психологического благополучия, но им также свойственно непринятие новых ситуаций. Действительно, добиться психологического равновесия можно только тогда, когда за твоими плечами есть определенный опыт.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие характеристики профессионально-правовой психологии адвоката:

- 1) у адвоката и подзащитного должны выстраиваться доверительные отношения, тесно связанные психологически;
- 2) адвокаты, в отличие от прокурора, судьи, следователя, которые обязаны быть беспристрастными, вправе свободно выражать явления психологической природы;
- 3) для профессии адвоката характерна борьба с несправедливостью, с неправомерными посягательствами на свободы и законные интересы граждан, особенно со стороны государства;
- 4) в сознании членов адвокатского сообщества формируется «оправдательный уклон», обусловленный спецификой адвокатской (защитительной) деятельности;
- 5) поведение адвоката регулируется в значительной степени адвокатским сообществом, принятыми в нем корпоративными нормами (Кодексом профессиональной

этики адвоката, принятым самим адвокатским сообществом, а не государством);

б) для адвоката важна моральная и правовая совесть при выработке своей позиции по тем или иным юридическим вопросам.

Характерные черты профессионально-правовой идеологии адвоката состоят в следующем:

1) адвокаты должны придерживаться позиции своего доверителя, даже если она отличается от официальной, так как они относительно автономны от мнения государства в правовых вопросах;

2) либеральность – это одна из черт профессиональной правовой идеологии адвоката;

3) адвокат, высказывая свое мнение по делу, может не придерживаться строгой формализованности и нормативной заданности.

Итак, чтобы повышать и развивать уровень профессионального правосознания адвокатов, необходимо знать и понимать его содержание, сущность и особенности. Также нужно учитывать ряд факторов, которые определяют его количественно-качественные характеристики, то, что позволяет предотвратить профессиональную деформацию. Следовательно, это оказывает влияние на функционирование всей системы правосудия и на укрепление законности и правопорядка, а также на эффективность проводимых в нашей стране правовых реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 18 декабря 2001 г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=34481&base=LAW&from=381478-6&rnd=0.2612098738268742#07036468599619825> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Кодекс профессиональной этики адвоката. Принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/ (дата обращения: 20.10.2021).
3. Кодекс профессиональной этики прокурорского работника: утвержден Генеральным прокурором Российской Федерации 17 марта 2010 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62680/bbfad5c679a3e3986d01aab359445d81cc74aef4/ (дата обращения: 20.10.2021).
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный

закон от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/ (дата обращения: 20.10.2021).

5. Демидова Л. А. Адвокатура в России. – М.: Юстицинформ, 2006. – 215 с.

6. Колотильщикова Е. В. Психологическое благополучие адвоката как гарантия его успешной деятельности [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – 2021. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/psikhologicheskoe-blagopoluchie-advokata-kak-garantiya-ego-uspeshnoy-deyatelnosti/> (дата обращения: 20.10.2021).

7. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов: учебник. – М.: Просвещение, 1988. – 267 с.

БАРАШКОВ Е. О.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ИЛИ РАЗДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и эволюция теории разделения властей, а также различные трактовки принципа разделения властей и его соотношение с идеей разделения функций в современности. В статье обосновано авторское предложение решения данной проблемы.

Ключевые слова: государство, разделение властей, система сдержек и противовесов, разделение функций, органы государственной власти, конституция, республика, демократия, президент, законодательная, исполнительная, судебная власти, делегированное правотворчество.

BARASHKOV E. O.

SEPARATION OF POWERS OR SEPARATION OF FUNCTIONS: AN ANALYSIS OF THE PROBLEM

Abstract. The article discusses the history and evolution of the theory of separation of powers. The interpretations of the principle of separation of powers and its relation to the idea of separation of functions in modern times are considered. The author presents a proposal of solution to this problem.

Keywords: state, separation of powers, system of checks and balances, separation of functions, public authorities, constitution, republic, democracy, the president, legislative, executive, judicial power, delegated lawmaking.

В юридическом сообществе уже много лет существует проблема, касающаяся трактовки внутреннего содержания классической теории разделения властей, а также соотношения этой концепции с идеей разделения функций, зародившейся в древности. Для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, нам необходимо рассмотреть историю становления и развития данных идей, а также проанализировать их основные постулаты, заложенные в них авторами.

Известные мыслители и философы античности (Платон, Аристотель, Полибий) в своих трудах, посвященных эффективному функционированию государства, неоднократно поднимали вопрос рационального выстраивания взаимоотношений государственных органов между собой в разрезе их функциональной нагрузки и во взаимодействии друг с другом. Однако говорить о четко сформированной системе научных взглядов, применительно к классической теории разделения властей, принятой в современном научном сообществе, было явно преждевременно. Мы полагаем, что в эпоху античности были выдвинуты идеи,

которые являлись своеобразными зачатками концепции разделения властей, а, по мнению Р.Н. Пировой, античная научная мысль предлагает разделение функций между различными государственными органами, а не идею разделения властей в ее современной трактовке [5].

Зарождение и развитие классической теории разделения властей следует относить к эпохе буржуазных революций. Именно в то время она начинает толковаться в широком идеологически-философском смысле, который показывает общекультурное значение этого принципа как одной из основ демократического государства. Д. Лильберн, Д. Локк, а позднее Ш. Монтескье, опираясь на опыт мыслителей античности и позднего средневековья, смогли создать принципиально новую классическую концепцию, включавшую в себя реальное разделение властей, независимость ветвей власти и механизма взаимных сдержек и противовесов. На наш взгляд, в основу данной доктрины была интегрирована идея разделения функций между государственными органами, которая является неотъемлемой частью эффективного функционирования любого государства, независимо от его формы, успешно заимствованная философами Нового времени из античности и удачно адаптированная к современным социально-экономическим и историческим реалиям нового буржуазного государства [4].

Доктринальное оформление концепции Ш. Монтескье создало почву для понимания принципа разделения властей в буквальном смысле, при котором государственная власть распределяется и осуществляется независимыми друг от друга органами, входящими в определенную ветвь власти. Эти ветви власти по отношению друг к другу являются самостоятельными, конкурирующими и взаимно сдерживающими. Однако, по мнению таких мыслителей, как Ж.-Ж. Руссо, Г. Гегель, И. Кант, Б. Констан, М.М. Сперанский и других, данная трактовка являлась неполной и имеющей внутренние противоречия, поэтому ими были предложены альтернативные взгляды на толкование этой концепции [2].

В рамках рассматриваемой проблематики особый интерес представляют воззрения Ж.-Ж. Руссо, который признавал необходимость как разделения властных полномочий, так и единства государственной власти. Исходя из своей концепции народного суверенитета, он считал необходимым иметь в государстве сильную законодательную власть, представлявшую интересы народа, которая доминировала бы по отношению к исполнительной и судебной. В основе его доктрины лежали идеи разделения государственно-властных полномочий между органами. Он подверг острой критике модель разделения властей Ш. Монтескье, потому что в его понимании полное обособление ветвей власти друг от друга и разделение между ними государственной власти приведет к краху государства. При такой трактовке ветви власти ограничивают суверенитет самого государства, что противоречит принципу единства и неделимости государственной власти [1].

Дело в том, что согласно теории власти, конкретная власть по своей природе неделима и не может являться частью чего-то, она не может быть зависимой в выборе средств воздействия на объект. При ограничении суверенитета субъект или носитель власти теряет свои качества, теряет свою власть как способ выражения собственной воли. Из этого следует, что либо государственной власти фактически не существует, так как она принадлежит самостоятельным ветвям власти со своими субъектами, либо субъектом, наделенным ей, является только государство, в котором вместо независимых ветвей власти могут существовать лишь относительно самостоятельные части государственного аппарата. Они не ограничивают государственного суверенитета, между ними распределяется не сама власть, а всего лишь государственно-властные полномочия [3, с. 1214].

Таким образом, вклад Ж.-Ж. Руссо в усовершенствование классической модели разделения властей заключается в выдвижении, казалось бы, двух противоположных принципов единства и делимости государственной власти между различными ветвями власти, предполагающих, что разделение властей – это внутреннее, структурированное подразделение государственной власти, а единство государственной власти – это внешнее проявление государственной власти.

По нашему мнению, принцип единства государственной власти и принцип разделения властей отнюдь не конкурируют между собой, это внешнее и внутреннее проявления государственной власти, которые гармонично дополняют друг друга в целях эффективного функционирования и развития государства.

Отметим, что в настоящее время в условиях усложнения механизма государства не представляется возможным решение задач общегосударственного масштаба только одной какой-либо ветвью власти. В конкретной ситуации формально взаимодействуют не ветви власти, а различные органы и должностные лица, входящие в их состав. Причем, они могут сочетать полномочия нескольких ветвей власти, что противоречит классической теории разделения властей. Отечественный и зарубежный опыт доказывает условность ее постулатов. К примеру, в развитых демократических государствах существует делегированное правотворчество, где задействованы органы законодательной, судебной, исполнительной ветвей власти, а в каких-то случаях даже глава государства. Очевидно, что в данной ситуации нарушается классическая теория разделения властей, так как согласно этой концепции, издавать законы имеет право только законодательная ветвь власти в лице парламента. Разделение властей при таком толковании не является абсолютным, так как ветви власти активно взаимодействуют, сотрудничают и сдерживают друг друга.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная трактовка разделения властей подразумевает условно-функциональное разделение государственной власти на отдельные

ветви. При этом власть понимается не как явление, а как система государственных органов, наделенных властными полномочиями. Она подразумевает гибкий взаимоконтроль и взаимодействие высших органов государства как частей единой власти через систему сдержек и противовесов.

Мы полагаем, что разделение властей — это условная теоретико-правовая конструкция, по сути представляющая собой юридическую фикцию, так как в реальности делятся полномочия государственных органов по осуществлению государственной власти. Из этого следует логичный вопрос: можно ли считать тождественными понятия «разделение функций» и «разделение властей»?

Для ответа на этот дискуссионный вопрос мы предлагаем вернуться к анализу истории возникновения этих двух идей. Мы выяснили, что идея разделения функций получила свое дальнейшее развитие в трудах мыслителей, критически оценивающих теорию разделения властей, которая стала альтернативой для нее, но в то же время она также легла в основу классической доктрины Ш. Монтескье. Фактически, второе понятие являлось объективным историческим продолжением первого. В дальнейшем, обе идеи исторически стали развиваться параллельно, причем «разделение функций» так и осталась более широкой категорией, чем «разделение властей». Полярность взглядов мыслителей предполагала, что разделение государственных полномочий между ветвями власти каждый из них видел по-своему, кто-то вовсе их отрицал и предлагал свои альтернативы. Возникали противоречия, разрешение которых с каждым разом позволяло подняться политико-правовой мысли на новый качественный уровень. В этом единстве и противоречии взглядов рождались потенциально новые идеи развития классической доктрины.

Современная трактовка принципа разделения властей свидетельствует о том, что обе идеи в сегодняшних реалиях имеют размытые границы, так как на протяжении всего исторического периода существования этих двух концепций они взаимно дополняли друг друга. В результате можно констатировать, что понятия «разделение властей» и «разделение функций» соотносятся как частное и целое, при этом в современных реалиях является более корректным понятие «разделение функций (компетенции, сфер деятельности и полномочий) различных государственных органов».

Подводя итоги дискуссии, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что теории разделения функций и разделения властей появились в различные исторические периоды, они развивались в довольно тесной взаимосвязи и органично дополняли друг друга, претерпевали значительные модификации, что в конечном итоге привело, на наш взгляд, к взаимопроникновению данных понятий (в юридической науке и практике, как правило, используется термин «разделение властей»). Полагаем, что это допустимо, так как

мы видим наглядный пример трансформации правовых институтов в связи с развитием и преобразованием соответствующих общественных отношений на том или ином этапе развития государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барнашов А. М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – 102 с.
2. Гайнутдинова Л. А., Гайнутдинов Р. И. Концепция разделения властей Ш. Монтескье и ее практическое измерение // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2019. – Том 20. – №4. – С. 174-186.
3. Косов Р. В. Теория разделения властей как политико-правовой принцип и научная теория // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2004. – Том 10. – № 4-2. – С. 1211-1216.
4. Краснов Ю. К. Принцип разделения властей в России: от концепции к практике // Экономика, финансы, право. 2011. – № 3 (04). – С. 5-12.
5. Пирова Р. Н. Доктрина разделения властей: история и современность // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – С. 268-270.

СУХОВА О. А., ФЕОФАНОВА М. А.

**ФОРМА, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ СУДА
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Аннотация. В статье анализируются вопросы, касающиеся формы, структуры и содержания итоговых решений суда апелляционной инстанции по уголовным делам. Авторами обращается внимание на необходимость соблюдения судами требований УПК РФ относительно реквизитов вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей апелляционных приговора, постановления и определения, что является условием их правосудности. В статье приводятся примеры из апелляционной практики, а также данные судебной статистики.

Ключевые слова: апелляция, суд апелляционной инстанции, решение суда, апелляционный приговор, апелляционное постановление, апелляционное определение, форма, структура, содержание, реквизиты.

SUKHOVA O. A., FEOFANOVA M. A.

**FORM, STRUCTURE AND CONTENT OF FINAL DECISIONS
OF THE COURT OF APPEAL IN CRIMINAL CASES**

Abstract. The article analyzes the issues concerning the form, structure and content of the final decisions of the court of appeal in criminal cases. The authors draw attention to the need for courts to comply with the requirements of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the details of the introductory, descriptive, motivational and operative parts of the appeal verdict, resolution and definition, which is a condition for their justice. The article provides examples from appellate practice and data from judicial statistics.

Keywords: appeal, court of appeal, decision, appeal verdict, appeal ruling, form, structure, content, requisites.

Согласно ч.ч. 2, 3 ст. 389.20, ч. 1 ст. 389.28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в результате рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке суд выносит решения в трех формах: апелляционные приговор, определение и постановление.

Вынесение итоговых процессуальных решений судом апелляционной инстанции нацелено на реализацию назначения уголовного судопроизводства и является необходимым элементом процессуальной деятельности суда апелляционной инстанции.

Уголовно-процессуальное решение как правоприменительный акт выносится в определенной законом процессуальной форме, отражающей сущность ответов на

поставленные перед уполномоченным органом правовые вопросы на основании установленных фактических обстоятельств [1, с. 21-22].

При определении понятия какого-либо из видов процессуального акта-решения нельзя забывать о дефинитивной первичности в нем формы, то есть процессуального документа, фиксирующего процессуальное решение. Процессуальное решение, по сути, лишь содержание уголовно-процессуального акта. Вместе с тем, как справедливо обращает внимание И. И. Потеружа, применительно к решению речь должна идти «не только о поисках наиболее совершенной и наиболее целесообразной формы, но и о стремлении максимально точно и правильно выразить смысл самого решения. Кроме того, решение как акт мыслительно-волевой деятельности должно быть выражено в такой форме, которая делает его понятным и убедительным для всех участников процесса» [2, с. 12].

Будучи уголовно-процессуальными актами-решениями, апелляционные приговор, определение или постановление должны содержать выводы по конкретным вопросам, разрешаемым судом апелляционной инстанции в результате проверки законности, обоснованности и справедливости не вступивших в законную силу решений суда первой инстанции, а также отвечать предусмотренным законом требованиям, иметь соответствующую УПК РФ структуру и реквизиты.

УПК РФ предусматривает несколько альтернативных вариантов разрешения уголовного дела в апелляционном порядке, но для конкретного уголовного дела приемлем только один вариант решения. Главная задача суда апелляционной инстанции – отыскать этот вариант решения и выразить его в форме апелляционного приговора, определения или постановления.

Любое решение суда апелляционной инстанции должно содержать в себе одновременно и оценку качества решения нижестоящего суда, и позицию суда апелляционной инстанции относительно приведенных в апелляционной жалобе (представлении) доводов. Решение суда апелляционной инстанции направлено на защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса и иных заинтересованных лиц, восстановление законности при производстве по уголовному делу, устранение нарушений закона и их негативных последствий, обеспечение обоснованности и справедливости решения суда первой инстанции.

Форма решения суда апелляционной инстанции зависит от содержания принятого решения, что наглядно демонстрируется логикой изложения ст. 389.20 УПК РФ: в первой ее части закреплён перечень видов решений, а во второй – форма их выражения: приговор, определение, постановление.

Особенностью решений суда апелляционной инстанции является то, что он проверяет

качество решений суда первой инстанции одновременно по вопросам права и факта, для чего изучает доводы апелляционных жалобы, представления, материалы дела и принятое судом первой инстанции решение; заслушивает аргументы сторон в апелляционном судебном заседании. Законодатель предоставил суду апелляционной инстанции право непосредственного исследования доказательств, когда это необходимо, и возможность рассмотрения жалобы (представления) без проверки доказательств, когда стороны на это согласны (ст. 389.13 УПК РФ). Предусмотрена в суде апелляционной инстанции и возможность исследования новых доказательств, однако заявитель обязан привести уважительные причины невозможности их представления в суд первой инстанции (ст. 389.13 УПК РФ) [3, с. 62]. Иными словами, особенности апелляционного производства прямо отражаются на результатах рассмотрения уголовного дела в апелляционном порядке, которые фиксируются в итоговых решениях суда апелляционной инстанции.

Закрепив возможность суда апелляционной инстанции разрешать уголовное дело по существу, законодатель предусмотрел такую форму его решения, как апелляционный приговор. Последний выносится в порядке, установленном статьями 297-313 УПК РФ для суда первой инстанции, но с учетом особенностей, характерных для суда апелляционной инстанции и предусмотренных главой 45.1 УПК РФ.

Апелляционный приговор может быть обвинительным и оправдательным. Вид приговора определяет особенности требований к его описательно-мотивировочной и резолютивной части.

Вводная часть апелляционного приговора независимо от его вида оформляется по одинаковым требованиям, определяемым ст. 304 УПК РФ, и включает: название документа – «апелляционный приговор»; указание на постановление приговора именем РФ; дату и место постановления приговора; наименование суда, постановившего приговор, состав суда; данные о секретаре судебного заседания, об обвинителе, о защитнике, потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике и об их представителях, данные о других лицах, участвовавших в судебном заседании суда апелляционной инстанции; указание на рассмотрение дела в открытом или закрытом судебном заседании; повод к апелляционному рассмотрению (апелляционная жалоба, представление); наименование суда первой инстанции, дата вынесения им приговора; фамилию, имя и отчество осужденного (оправданного), его анкетные данные, имеющие значение для уголовного дела (например, наличие несовершеннолетних детей и иждивенцев, отношение к воинской обязанности, сведения о судимости и т.д.); указание пункта, части и статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которым обвиняемый был осужден или оправдан, назначенное наказание (по каждому эпизоду); сведения о мере пресечения, срок содержания

под стражей, сведения о зачете времени содержания под стражей в счет отбытия наказания; сведения о начале срока исполнения наказания; сведения о разрешении судьбы вещественных доказательств, разрешении гражданского иска; указание об уведомлении сторон о дате и месте судебного заседания (не всегда указывается); краткие сведения о заслушивании доклада судьи, мнений сторон.

Описательно-мотивировочная часть апелляционного оправдательного приговора излагается по общим правилам для оправдательных приговоров, установленным ст. 305 УПК РФ, с учетом особенностей, предусмотренных ч. 2 ст. 389.29 УПК РФ, и содержит: существо предъявленного обвинения или описание преступного деяния, признанного доказанным, которые изложены в обвинительном приговоре суда первой инстанции, либо установленные обстоятельства, которые явились основанием для постановления оправдательного приговора или вынесения определения, постановления суда первой инстанции; отношение осужденного или оправданного к обвинению, высказанное в судебном заседании (например: «В судебном заседании подсудимый Д. вину не признал ...»); краткое изложение доводов апелляционной жалобы (представления) и дополнений к ним, возражений на апелляционную жалобу (представление); указания на обстоятельства уголовного дела, установленные судом апелляционной инстанции и мотивы, по которым суд апелляционной инстанции отверг доказательства, представленные стороной обвинения, или которые приведены в обвинительном или оправдательном приговоре либо в определении, постановлении суда первой инстанции.

Описательно-мотивировочная часть апелляционного оправдательного приговора должна содержать все необходимые мотивы оправдания осужденного (оправданного), анализ доказательств, источники мотивов принятого решения. Недопустимо включение формулировок, ставящих под сомнение оправдание лица. Приговор должен отвечать принципу правовой определенности, ясности, четкости и понятности.

К резолютивной части оправдательного апелляционного приговора предъявляются те же требования, что и к резолютивной части оправдательного приговора суда первой инстанции (ст. 306 УПК РФ). Единственное существенное отличие состоит в том, что обязательно указывается одно из трех возможных принятых решений по делу:

- об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и о вынесении оправдательного приговора;
- об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и о вынесении нового оправдательного приговора;
- об отмене определения или постановления суда первой инстанции и о вынесении оправдательного приговора.

Описательно-мотивировочная часть апелляционного обвинительного приговора должна содержать существо предъявленного обвинения или описание преступного деяния, признанного доказанным, которые изложены в приговоре суда первой инстанции; обстоятельства уголовного дела, установленные судом апелляционной инстанции; мотивы, по которым суд апелляционной инстанции отверг доказательства, представленные сторонами, или которые приведены в обвинительном приговоре (ст. 389.31 УПК РФ).

Описательно-мотивировочная часть апелляционного обвинительного приговора отличается от описательно-мотивировочной части обвинительного приговора суда первой инстанции. Апелляционный обвинительный приговор включает в себя значительную часть, посвященную основаниям и мотивам отмены приговора суда первой инстанции, а также указание на возможность принятия решения судом апелляционной инстанции, вывод о характере допущенных нарушений.

Примером тому могут послужить следующие мотивы, которые были приведены в одном из апелляционных приговоров: « ... Учитывая допущенные существенные нарушения уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, судебная коллегия отменяет обвинительный приговор, частично удовлетворяя апелляционные жалобы осужденного и защитника, и выносит по делу новое судебное решение – апелляционный обвинительный приговор. Судебная коллегия не усматривает оснований для направления дела на новое судебное рассмотрение, поскольку допущенные судом нарушения могут быть устранены в апелляционном порядке. При этом судебная коллегия признает несостоятельными доводы жалобы осужденного о незаконном составе суда первой инстанции. Каких-либо сведений о заинтересованности судьи и прокурора в исходе рассмотрения уголовного дела материалы дела не содержат. Не приведено их и в апелляционных жалобах. В ходе судебного разбирательства ходатайств и заявлений, в том числе от подсудимого К., об отводе судьи и прокурора не поступало» [4].

В собственно описательной части обвинительного апелляционного приговора подробно описывается преступное деяние. Затем суд указывает доказательства, обосновывающие его выводы, а также мотивы, по которым суд не принял другие доказательства; отражает смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства; юридическую мотивацию неправильной квалификации (в случае установления); мотивы в части принятия всех решений о наказании (освобождение, условное наказание и т.д.).

Примером аргументации суда апелляционной инстанции может быть следующий фрагмент апелляционного приговора: « ... Проверив исследованные доказательства в их совокупности, суд в соответствии с требованиями ст. 88 УПК РФ признает их допустимыми, достоверными, относимыми и достаточными для разрешения дела, поскольку они получены

с соблюдением норм уголовно-процессуального закона, содержание этих доказательств связано с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по делу. Фактические обстоятельства дела установлены судом из показаний очевидцев произошедшего: свидетелей К. и М., которые непосредственно видели нанесение ранения Л.В.А со стороны Л.И.А. и которые согласуются между собой, логически взаимосвязаны с другими доказательствами по делу в отсутствие каких-либо оснований сомневаться в показаниях данных свидетелей. Установленные судом фактические обстоятельства дела подтверждаются протоколами осмотра места происшествия, предметов, заключениями проведенных по делу экспертиз, включая судебно-медицинских, достоверность выводов которых у суда сомнений не вызывает, поскольку таковые были назначены и проведены с соблюдением процессуальных норм, а изложенные в экспертных заключениях выводы и фактические данные согласуются с материалами дела, в том числе, с показаниями допрошенных по делу лиц со стороны обвинения, из которых установлено время, место, мотивы и способ совершения Л.И.А. преступления ... » [5].

Резолютивная часть обвинительного апелляционного приговора излагается по общим правилам для обвинительного приговора, установленным ст. 288 УПК РФ, с учетом того, что она должна содержать решение об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и о вынесении обвинительного приговора.

Следует отметить, что вынесение апелляционного приговора на практике является редким явлением. Чаще всего в случае выявления апелляционных оснований в результате пересмотра итогового решения суда первой инстанции выносится апелляционное определение или постановление, которыми обвинительный приговор или иное решение суда первой инстанции отменяется с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство. Это происходит в связи с тем, что суды апелляционной инстанции, как правило, в своем решении указывают на допущение в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции нарушений уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимых в суде апелляционной инстанции. Отмена приговора с возвращением уголовного дела прокурору является нечастым решением суда апелляционной инстанции, которое выносится в случае выявления обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2. ст. 237 УПК РФ. Решение об изменении приговора (иного судебного решения) в апелляционном порядке на практике выносится чаще всего. При этом суд апелляционной инстанции в каждом случае должен соблюдать требования ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ, не допуская принятия по собственной инициативе решения, сопряженного для осужденного с поворотом к худшему в случаях, когда апелляционное разбирательство было инициировано участниками со стороны защиты.

Так, в 2020 году Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ в

апелляционном порядке было рассмотрено 321981 уголовных дела, из них 112435 уголовных дел по пересмотру итоговых судебных решений. По 112435 уголовным делам были отменены 656 оправдательных приговоров и 7174 обвинительных приговора, 899 постановлений о прекращении уголовного дела, 170 постановлений о применении принудительных мер медицинского характера. В 2020 г. было изменено 15449 приговоров [6].

Статистические данные на уровне Верховного суда Республики Мордовия показывают, что в 2020 году данным судом в апелляционном порядке было рассмотрено 1892 уголовных дела, из них 412 уголовных дел по пересмотру итоговых судебных решений. По 412 уголовным делам были отменены один оправдательный приговор и 24 обвинительных приговора. Случаев вынесения новых оправдательных приговоров, заменяющих собой обвинительные приговоры, в 2020 г. не имелось. Кроме того, было отменено 4 постановления о прекращении уголовного дела. По 412 уголовным делам в 2020 г. было изменено 60 приговоров [7]. При этом апелляционная стабильность приговоров за 2018 – 2020 гг. в Республике Мордовия увеличилась с 93,3 % до 96,4 %

Для апелляционных определений и постановлений устанавливается своя структура (ч. 2 ст. 389.27 УПК РФ). Однако в ней также можно выделить вводную (дата и место вынесения определения, постановления; наименование и состав суда; данные о лице, подавшем апелляционные жалобу или представление и о лицах, участвовавших в судебном заседании суда апелляционной инстанции); описательно-мотивировочную (краткое изложение содержания решения суда первой инстанции, доводов лица, подавшего апелляционные жалобу или представление, возражений других лиц, принимающих участие в заседании суда апелляционной инстанции; мотивы принятого решения); резолютивную (решение суда апелляционной инстанции по апелляционным жалобе или представлению, предусмотренное п.п. 1, 4, 6, 7-10 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ); решение о мере пресечения) части.

Из содержания ч.ч. 2, 3 ст. 389.20 УПК РФ конкретно не вытекает, в каком случае судом апелляционной инстанции выносится постановление, а в каком – определение. Однако ответ на этот вопрос очевиден и вытекает из п.п. 23, 25 ст. 5 УПК РФ, согласно которой апелляционное постановление выносится единоличным составом суда апелляционной инстанции, а апелляционное определение – коллегиальным составом данного суда (исходя из ч. 3 ст. 30 УПК РФ).

Апелляционная практика вынесения судебных решений разнообразна. В одних случаях в решениях судов апелляционной инстанции можно наблюдать полное отражение мотивов, которые были положены в основу сделанных судом выводов, с детальной оценкой

всех обстоятельств дела и имеющихся по делу доказательств в их совокупности, с конкретным и подробным приведением апелляционных оснований для отмены или изменения судебного решения (либо опровержением наличия таковых), с юридической оценкой содеянного, данных о личности осужденного, с обоснованием выбора принятого решения. В других случаях суды апелляционной инстанции в краткой форме, лаконично, без конкретики приводят мотивы вынесенных решений, которые выглядят как некие «шаблоны», которые встречаются почти с одинаковыми формулировками в решениях, принимаемых различными судами апелляционной инстанции или составами суда данной инстанции. Такое обстоятельство подрывает авторитет судебной власти, вызывает у граждан недоверие к отправлению правосудия.

Например, в апелляционном постановлении Ярославского областного суда от 28 января 2021 г. позиции обвинения и защиты, содержащиеся в соответствующих апелляционных жалобах (представлении), были изложены настолько кратко, а ответы на них отсутствовали, что из данного постановления невозможно понять, какие именно доводы рассматривал суд. А наличие в том же постановлении суда апелляционной инстанции целого ряда шаблонных формулировок вообще не позволяет считать его мотивированным [8].

Как следует из ч. 4 ст. 389.28 УПК РФ, в апелляционных приговоре, определении, постановлении указываются основания, по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, иное судебное решение суда первой инстанции – законным и обоснованным, а жалоба или представление – не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения. При этом достаточная, последовательная и непротиворечивая совокупность аргументов принятого решения с указанием конкретных апелляционных оснований (либо с опровержением их наличия) придает решению суда апелляционной инстанции убедительность, обеспечивая его авторитетность. Содержание каждой части решения суда апелляционной инстанции (вводной, описательно-мотивировочной, резолютивной) продиктовано в УПК РФ необходимостью соблюдения требований законности, обоснованности, мотивированности и справедливости (для апелляционных приговоров) решения самого суда апелляционной инстанции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika. – M. : Yurist', 2006. – 174 s.
2. Poterujha I. I. Znacheniye nadzornogo proizvodstva ugolovnykh del v ukreplenii zakonnosti. – Minsk : Nauka i tekhnika, 1985. – 143 s.

3. Гайворонская Л. В. Особенности доказывания в суде апелляционной инстанции: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 239 с.
4. Апелляционный приговор Верховного Суда Республики Мордовия от 23 января 2018 г. по делу №22-87/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oblsud--nnov.sudrf.ru> (дата обращения: 28.10.2021).
5. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 23 мая 2018 г. по делу №22-2796/2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oblsud--nnov.sudrf.ru> (дата обращения: 28.10.2021).
6. Данные статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2020 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5671>(дата обращения: 28.10.2021).
7. Итоги работы судов общей юрисдикции Республики Мордовия в 2020 году. Результаты апелляционного рассмотрения уголовных дел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vs.mor.sudrf.ru> (дата обращения: 28.10.2021).
8. Апелляционное постановление Ярославского областного суда №22-125/2021 от 28 января 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vEdgbBGPYdUK/>(дата обращения: 28.10.2021).

КОЧНЕВ С. В., ЧЕБУРЕНКОВ А. А.

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ БЫТОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА:
ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

Аннотация. В механизме совершения бытового мошенничества особое место занимает потерпевший, его личностные качества и поведение по отношению к мошеннику. В этой связи важно изучать виктимологическую ситуацию, т.е. совокупность факторов и условий, в которых находится жертва мошенничества. Результаты такого изучения позволяют объективно понять особенности подготовки и совершения мошенничества, разработать рекомендации по предупреждению данного преступления в типовых ситуациях.

Ключевые слова: мошенничество, жертва, потерпевший, мошенник, виктимологическая ситуация, обман, обстановка, способы мошенничества.

KOCHNEV S. V., CHEBURENKOV A. A.

**VICTIMOLOGICAL SITUATION OF DOMESTIC FRAUD:
CONCEPT, CONTENT, PREVENTION**

Abstract. In the mechanism of committing domestic fraud, a special place is occupied by the victim, his personal qualities and behavior in relation to the fraudster. In this regard, it is important to study the totality of factors and conditions in which the victim of fraud is located - the victimological situation. The results of such a study make it possible to objectively understand the features of the preparation and commission of fraud, to develop recommendations for the prevention of this crime in typical situations.

Key words: fraud, victim, fraudster, victimological situation, deception, condition, methods of fraud.

Любое преступное посягательство выступает элементом системы различного рода обстоятельств, факторов, условий, которые оказывают влияние на поведение преступника, его жертвы, характер их взаимоотношений, интенсивность взаимодействия до, во время и после совершения преступления. В итоге складывается определенная ситуация, в которой зарождается и развивается криминальное событие, наступает преступный результат и иные последствия. Ситуации, имеющие отношение к преступлению, изучаются в уголовном праве, криминалистике, криминологии и т.д., при этом каждая из наук рассматривает ситуационные факторы со специфических позиций. Объектом криминологических исследований выступают ситуации, которые так или иначе имеют отношение к причинному комплексу преступления, в том числе и к поведению потерпевшего (жертвы посягательства), когда такое поведение обусловило противоправные действия преступника. С этих позиций ученые-

криминологи выделяют *виктимологические ситуации*, описывающие закономерности формирования виктимных качеств потенциальной жертвы, особенности их проявления, линию поведения жертвы и т.п., то есть все те обстоятельства, условия, факторы, вызывающие направленность действий преступника на причинение вреда определенному типу жертв.

Представляется обоснованным мнение Д. В. Ривмана о том, что виктимологическая ситуация не сводится к обстановке, непосредственно предшествующей преступлению или сложившейся в процессе совершения посягательства, а понимается гораздо шире. Целесообразно в содержание виктимологической ситуации включать: а) личностно-формирующую виктимную ситуацию (систему факторов, условий, обстоятельств, оказавших решающее влияние на формирование у потенциальной жертвы качеств повышенной виктимности); б) предкриминальную (жизненную) виктимную ситуацию (систему обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению, во взаимодействии с личными качествами субъекта виктимизации (потенциальной жертвы); в) криминально-виктимную ситуацию (ситуацию непосредственно совершения преступления и причинения вреда); г) посткриминальную виктимную ситуацию (поведение жертвы после преступления и все обстоятельства, влияющие на ее положение) [2, с. 88].

Практическая значимость предложенного Д. В. Ривманом подхода к изучению виктимологической ситуации может быть подтверждена на примере бытового мошенничества – распространенного посягательства, в типовом механизме которого большое значение объективно приобретают виктимологические элементы (факторы, обстоятельства и т.д.). Практика расследования мошенничества показывает, что во многих случаях потенциальная жертва обмана своим поведением (действием или бездействием), определенными личностными качествами непосредственно формирует или способствует формированию ситуации, в которой повышается вероятность причинения ей ущерба.

Личностно-формирующая виктимная ситуация характеризует процесс приобретения индивидом определенных субъективных качеств, повышающих степень уязвимости индивида и в итоге увеличивающих его возможность оказаться жертвой посягательства. Определенные черты личности потенциальной жертвы преступник может положить в основу выбора им способа и формы совершения противоправного посягательства.

На практике жертвой мошенничества, в принципе, может стать любой человек, независимо от его личностных характеристик. Тем не менее, исследователи выделяют некоторую сумму социальных, психологических, биофизических качеств личности, которые обуславливают повышенную виктимность индивида, то есть его способность стать жертвой мошенничества.

К числу нравственно-психологических качеств потенциальной жертвы мошенничества обычно относят излишнюю доверчивость, повышенную внушаемость, неосмотрительность, невнимательность, некритичность и др.

Возможные качества личности жертвы посягательства могут иметь положительный или отрицательный характер. Например, такие негативные качества потерпевшего, как азарт, страсть к наживе, жадность, включаются в саму технику обмана при организации мошенниками лотерей («лохотрона») и азартных игр (так, карточные шулеры специально выбирают себе в партнеры лиц, которые стремятся обыграть других, страстно желают получить выигрыш).

Для определенной категории потенциальных жертв мошенничества характерно суеверие, под влиянием которого они обращаются к мошенникам с желанием вылечить, получить лекарство, приворожить конкретного человека, наслать на соперника «порчу» и т.п.

Жертвами бытового мошенничества, по результатам криминологических исследований, чаще всего становятся лица, не имеющие высшего образования. Данная особенность отражает тот факт, что отсутствие у человека необходимых знаний в целом снижает уровень критичности его мышления, способность индивида предвидеть вероятные негативные последствия своего доверчивого поведения.

В числе жертв мошеннических действий довольно значительна доля лиц, знакомых с преступником, имеющих с ним родственные, служебные, соседские, дружеские связи. Мошенники умело используют такого рода связи и отношения, стараются не вызывать подозрения, еще более входят в доверие.

Важным фактором рассматриваемой ситуации следует признать сформировавшийся круг знакомых потенциальной жертвы, в котором могут оказаться лица, уже пострадавшие от мошеннических действий, сами мошенники, решившие совершить новое посягательство.

Предкриминальная (жизненная) виктимная ситуация при мошенничестве обуславливает совершение посягательства в отношении конкретного лица.

Жертва уже самим фактом своего существования может превратить ситуацию в предкриминальную, поскольку может повлиять в итоге на решимость мошенника совершить задуманное, облегчает осуществление его преступной деятельности, позволяет не только довести ее до конца, но и предоставляет возможность ее неоднократного повторения.

Так, беспечное поведение лица, совместное распитие спиртных напитков, излишняя доверчивость могут укрепить решимость мошенника обмануть жертву. Преступник может решиться на обман, увидев, что перед ним несовершеннолетний, лицо пожилого или преклонного возраста и т.д. (здесь учитываются психофизические особенности указанных

категорий субъектов).

В. П. Шейнов описывает типичную ситуацию, когда гражданин становится жертвой мошенничества, совершенного под видом гадания. Гадалки (обычно это женщины-цыганки), как правило, «работают» там, где много людей (вокзалы, аэропорты, оживленные улицы и т.п.), поскольку им нужен максимальный выбор клиентов. С учетом окружающей обстановки, характерных психических состояний находящиеся в данных местах люди обычно более всего оказываются восприимчивы к предложениям узнать свою судьбу, что их ожидает, чего опасаться и т.д. и к оказываемому в процессе гадания внушению. Жертвами обмана при гадании чаще всего становятся женщины ввиду того, что они более эмоциональные, а также неуверенные в себе, расстроенные чем-либо лица, которые видят в предсказании своеобразный выход из сложившейся неоднозначной жизненной ситуации [3, с. 24-26].

Криминально-виктимная ситуация складывается непосредственно при совершении мошеннических действий. Здесь поведение потерпевшего зачастую приобретает решающую роль, потерпевший может выступить в роли автора или соавтора криминального события.

Поведение потерпевшего в криминально-виктимной ситуации может быть как положительным (потерпевший повода к совершению преступления не давал, каких-либо незаконных целей не преследовал и т.д.), так и отрицательным (например, потерпевший преследовал цель наживы, стремясь приобрести дешевые товары и перепродать их, а купленные им товары в итоге оказались некачественными).

Действия жертвы могут послужить своеобразным толчком к совершению преступления. Жертва нередко сама обращается к мошеннику с какой-либо просьбой, за помощью, советом и т.п. Так, известное распространение получили ситуации, когда потерпевшие обращаются к экстрасенсам, целителям, магам с просьбами излечить от тяжелой болезни, вернуть покинувшего семью мужа, «навести порчу» на соперника и др., а в итоге оказываются обманутыми.

Просьба, адресованная мошеннику, может носить незаконный характер. Так, потерпевший может попросить о решении важных для него вопросов за взятку, мошенник обещает ему содействие в этом, далее получает денежные средства и присваивает их. В подобной ситуации потерпевший не всегда решается обратиться в правоохранительные органы с заявлением о том, что его обманули, поскольку понимает, что сам совершил противоправное деяние.

В одних ситуациях потерпевший проявляет чрезмерную доверчивость, не критичность мышления, в то время как подозрительность должна была бы быть естественным следствием конкретной обстановки. Например, когда кто-либо предлагает купить по дешевой цене вещь,

стоимость которой в действительности значительна, это должно насторожить потенциального покупателя. Если он не убедится в обоснованности обещанного снижения цены, то рискует стать жертвой обмана (приобретет некачественную вещь; предварительно оплатив заказ, не получит его вообще и т.п.). В других ситуациях потенциальная жертва не может заподозрить обман, поскольку не имеет никаких практических возможностей разобраться в ситуации и правильно оценить ее (например, потерпевший, планируя снять квартиру, сначала осматривает ее, знакомится с определенными правоустанавливающими документами (то есть предпринимает необходимые меры предосторожности) и только потом отдает деньги, далее мошенник скрывается с ними, а об обмане потерпевший узнает только тогда, когда позднее оказывается, что подобным образом эта же квартира уже сдана другим лицам или появляется реальный собственник жилья, требующий оплаты или отказывающий во вселении).

Для того, чтобы обман удался, преступник учитывает имеющуюся на момент совершения им противоправных действий обстановку, включающую условия места, времени, информационные характеристики и т.д. Мошенник может использовать уже сложившуюся обстановку, если она благоприятна для реализации возникшего у него замысла (например, наличие большого скопления людей на вокзале, рынке, на массовом мероприятии, когда человек постоянно отвлекается, устал или переживает по поводу каких-либо обстоятельств), либо приспособливает имеющуюся обстановку для своих целей (специально создает панику, подговаривает соучастников помочь ему отвлечь жертву и т.п.).

Криминальная практика знает примеры, когда мошенники намеренно распространяли слухи о якобы предстоящей денежной реформе, носящей конфискационный характер, и «помогали» отчаявшимся людям быстро обменять имеющиеся у них денежные средства, но с оплатой значительной комиссии; создавали искусственный ажиотаж вокруг определенных товаров, приписывая им «уникальные» свойства и стимулируя тем самым спрос на них, а в действительности продавали людям некачественные товары, стандартные вещи по многократно завышенной цене и т.п.

Посткриминальная виктимная ситуация характеризует поведение жертвы после преступления и все обстоятельства, влияющие на ее положение. На практике встречаются различные виды указанной ситуации.

Нередко потерпевший, добровольно передав мошеннику значительную сумму денег и убедившись, что его обманули, сам пытается вернуть похищенное у него и не обращается в правоохранительные органы. При этом потерпевший старается самостоятельно разыскать мошенника, обнаружив его, требует у него свои деньги, прибегая к самым различным способам воздействия на преступника (от просьб до угроз, физического насилия и т.д.).

Ситуация другого рода складывается тогда, когда потерпевший, убедившись в обмане, никуда не обращается и не принимает мер к возврату денежных средств. Мотивы его поведения в этом случае следующие: он понимает, что ошибся, напрасно поверил мошеннику, «сам виноват», «все равно ничего не вернешь» и т.п. Потерпевший также может посчитать причиненный ему ущерб незначительным и не сообщает о факте его обмана в правоохранительные органы.

Потерпевший может скрывать факт совершенного в отношении него мошенничества также в случаях, когда преступление носит позорящий данное лицо характер, свидетельствующий, например, о его алчности, нечестности и т.п.; когда раскрытие преступления угрожает уголовной ответственностью самому потерпевшему (например, при проигрыше потерпевшим крупных сумм денег, которые он, в свою очередь, нажил преступным путем) [1, с. 61].

Приведенные разновидности поведения потерпевшего не только негативным образом сказываются на материальном благосостоянии конкретного потерпевшего, не всегда получающего переданные им мошеннику денежные средства или иные ценности обратно, но и способствуют совершению новых преступлений лицом, который продолжает свою преступную деятельность вследствие того, что он не был своевременно привлечен к уголовной ответственности. Для сотрудников же правоохранительных органов в таких условиях снижаются возможности по своевременному пресечению действий мошенника, получению необходимых доказательств его преступной деятельности.

Существующие в настоящее время способы борьбы с мошенничеством включают различного рода профилактические мероприятия, в числе которых важное место отводится мерам виктимологического плана. Указанные меры призваны обеспечить снижение общей и индивидуальной виктимности посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активизации защитных возможностей потенциальных жертв мошенничества и обеспечения их безопасности [2, с. 241].

Выделяются общий и индивидуальный уровни виктимологической профилактики мошенничества. Общая виктимологическая профилактика осуществляется в отношении множества лиц, потенциально выступающих в качестве жертвы мошенничества. Индивидуальная профилактика осуществляется в отношении конкретных лиц, могущих с наибольшей вероятностью оказаться жертвами мошенников.

В качестве объектов виктимологической профилактики выступают лица с виктимными качествами, факторы, обуславливающие виктимность потенциальных жертв мошенничества, обстановка, в которой формируются индивиды в качестве жертвы обмана и непосредственно совершается посягательство на них.

В рамках профилактической деятельности воздействие на криминогенную ситуацию мошенничества осуществляется с целью устранения (снижения активности) виктимогенных факторов, образующих соответствующую ситуацию, введение в нее условий, обстоятельств, снижающих для определенных категорий потерпевших риск оказаться жертвой мошенника.

Общая виктимологическая профилактика с целью устранения криминогенности ситуаций, в которых находится реальная или потенциальная жертва мошенничества, включает следующие меры:

а) разъяснительную работу с населением, имеющую целью показать опасность и распространенность мошенничества, типичные способы действий и уловки мошенников (в форме бесед с населением, сообщений в средствах массовой информации и т.д.);

б) определение наиболее опасных в виктимном отношении объектов и участков территории и организация наблюдения за ними (с помощью стационарных видеокамер, работающих в режиме онлайн, через сотрудников патрульно-постовой службы и др.);

в) систематическое предупреждение граждан, находящихся в общественных местах, о необходимости быть бдительными, не участвовать в сомнительных акциях, не передавать имущество незнакомым лицам и т.п. (с использованием радиотрансляционной сети торговых предприятий, через продавцов, администраторов и др.);

г) ориентация сотрудников патрульно-постовой службы, дружинников на своевременное и решительное вмешательство в виктимоопасные ситуации (путем предупреждения потенциальных жертв намечающихся мошеннических действий, проверки подозрительных лиц по криминалистическим и оперативным учетам, выяснения целей поведения заподозренного лица и т.д.);

д) размещение в общественных местах стендов, объявлений-предупреждений, специально посвященных фактам мошенничества и мерам борьбы с ними;

е) проведение рейдов и иных мероприятий, направленных на выявление лиц из числа мигрантов, систематически занимающихся мошенническими действиями (гаданием, попрошайничеством и т.д.).

Индивидуальная виктимологическая профилактика возникновения криминогенных ситуаций мошенничества может включать в себя следующие меры:

а) организацию обучения граждан в различных виктимологических группах с целью формирования у каждого умения здраво разбираться в опасных ситуациях, приобретения индивидом должной осмотрительности;

б) организацию работы с возможной жертвой из числа лиц, халатно относящихся к сохранности собственного имущества, характеризующихся излишней доверчивостью, демонстрирующих готовность к знакомствам с мнимыми знахарями, гадалками, магами и

т.д., объяснение ей вероятных рисков, негативных последствий своего легкомысленного поведения, приведение реальных случаев обмана других граждан в аналогичных ситуациях и др.;

в) разъяснение лицам, пострадавшим от мошеннических действий, но по каким-либо причинам, не обратившимся в правоохранительные органы, о необходимости сообщения имеющихся у них данных о личности мошенника, совершенных им действиях и т.п., с тем, чтобы не допустить совершение этим мошенником новых преступлений в отношении иных граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волохова О. В. Расследование преступлений, связанных с обманом. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 168 с.
2. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
3. Шейнов В. П. Психология обмана и мошенничества. – М. : АСТ, Минск : Харвест, 2005. – 464 с.

СТЕНЮШКИНА Я. Р.
НЕСООТВЕТСТВИЕ ВЫВОДОВ СУДА В ПРИГОВОРЕ
ФАКТИЧЕСКИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА,
УСТАНОВЛЕННЫМ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Аннотация. В статье исследуются особенности применения на практике и проблемы законодательной регламентации одного из оснований отмены или изменения приговора в апелляционном порядке. Рассматриваются требования, предъявляемые к приговору, высказывается позиция о требовании мотивированности судебных решений. Приводятся данные судебной практики и судебной статистики.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, приговор, основания отмены или изменения приговора, апелляционное обжалование, обоснованность, мотивированность.

STENYUSHKINA YA. R.
INCONSISTENCY OF COURT CONCLUSIONS IN VERDICT
WITH ACTUAL CIRCUMSTANCES OF CRIMINAL CASE
ESTABLISHED BY COURT OF FIRST INSTANCE

Abstract. The article considers the practical application and the problems of legislative regulation of one of the grounds for canceling or changing the verdict on appeal. The requirements for the verdict are described. The opinion on the requirement reasonableness of court rulings is presented. The data of court practice and judicial statistics are provided.

Keywords: The Criminal Procedure Code, sentence, grounds for canceling or changing verdict, appeal, validity, motivation.

Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции – это одно из оснований отмены или изменения приговора и первое среди указанных в ст. 389.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

Статья 389.16 УПК РФ перечисляет виды несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, раскрывает, каким образом в приговорах можно усматривать это «несоответствие». Фактически положения, содержащиеся в ст. 389.16 УПК РФ, которые формально выполняют функцию пояснения основания отмены или изменения приговора в апелляционном порядке ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, вполне логично можно было бы признать отдельными разновидностями такого основания пересмотра решения в апелляционном порядке, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК

РФ). Наряду с этим, закрепленные в п.п. 2 и 4 ст. 389.16 виды несоответствия выводов суда можно было бы отнести и к основанию «нарушение уголовного закона» (ст. 389.18 УПК РФ). Если рассуждать в таком ключе, то, по сути, усматривая в судебном решении несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, можно говорить и о применимости в данном случае статьи 389.17 УПК РФ, а в отдельных случаях – и статьи 389.18 УПК РФ. Предполагаем, что законодатель допустил нарушения в логическом построении и систематизации оснований апелляционного обжалования и их видов.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Республики Мордовия по уголовным делам за 2-е полугодие 2020 года [11] приводится следующая ситуация, когда суд первой инстанции, на наш взгляд, безответственно отнесся к разрешению вопроса об изменении меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест, допуская очевидные нарушения, игнорируя существенные обстоятельства дела.

Принимая решение об изменении меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест, суд указал, что К. ранее не судим, впервые привлекается к уголовной ответственности, является гражданином Российской Федерации, положительно характеризуется по месту жительства и службы, имеет многочисленные поощрения и награды, заключил договор аренды жилого помещения в р. п. Zubovo-Поляна для нахождения под домашним арестом.

Суд, приняв во внимание сведения о многочисленных поощрениях и наградах обвиняемого по службе, не учел и не дал оценки тому, что К. обвиняется в совершении тяжких и особо тяжкого преступлений именно с использованием своего служебного положения в отношении должностных лиц учреждений УФСИН России по Республике Мордовия в составе группы лиц по предварительному сговору с неустановленными лицами.

Суд не учел и не дал оценки сведениям о том, что после последнего продления срока содержания К. под стражей в отношении него было возбуждено еще одно уголовное дело, то есть объем предъявленного обвинения увеличился.

При отсутствии в постановлении суда оценки указанным обстоятельствам выводы суда об изменении оснований для избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу нельзя признать обоснованными.

Кроме того, в постановлении суда отсутствует надлежащая оценка обоснованности подозрения в причастности К. к инкриминируемым преступлениям. Так, суд указал в качестве доказательств обоснованности подозрения причастности обвиняемого к совершению преступлений процессуальные документы, не являющиеся доказательствами, показания свидетелей без указания их фамилий, а также показания подозреваемого К., в которых отсутствуют сведения о его причастности к совершению преступлений.

Суд изменил меру пресечения на домашний арест и определил частичную изоляцию обвиняемого, установив время его прогулок, а также указал на установление ограничений, тогда как ст. 107 УПК РФ (в ред. Федерального закона от 18.04.2018 г. №72-ФЗ) предусматривает только изоляцию обвиняемого от общества в жилом помещении и возможность установления не ограничений, а запретов, предусмотренных п.п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Данное обстоятельство ставит под сомнение выводы суда относительно избранной им меры пресечения – обвиняемому установлен домашний арест или запрет определенных действий, предусмотренный ст. 105.1 УПК РФ.

Судебная коллегия Верховного суда Республики Мордовия решение суда первой инстанции отменила, избрала меру пресечения в виде заключения под стражу, установив срок содержания обвиняемого под стражей. Материалы дела направила на новое судебное рассмотрение.

Данный пример, на наш взгляд, вполне может квалифицироваться и как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, поскольку здесь суд неправильно применяет нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие процедуру изменения меры пресечения, кроме этого, занимается непонятным «смешением» мер пресечения.

Снова обратимся к проблеме нормативного изложения оснований отмены или изменения приговора в апелляционном порядке. Упущение законодателя здесь проявляется в том, что раскрытые далее после ст. 389.15 в УПК РФ основания могут привести в замешательство правоприменителей, порождая разнообразие судебной практики в связи с неясностью, какое же все-таки основание будет служить причиной для пересмотра приговора в апелляционном порядке, а также для его отмены или изменения.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ [7] о рассмотрении уголовных дел в апелляционном порядке в 2020 году было обжаловано 112 435 приговоров и других судебных постановлений по существу дела, было вынесено 162 оправдательных приговоров (примерно 0,14% к числу обжалуемых), 4 916 дел было направлено в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство.

За последние три года количество обжалованных приговоров в целом по РФ уменьшается, в 2019 году – 128 306, в 2018 году – 133 376. Если за 2020 год такое снижение можно объяснить, сославшись на сложную обстановку на территории нашей страны, связанную с распространением коронавирусной инфекции, вызвавшей остановку в деятельности многих сфер общества, то тенденцию снижения, наметившуюся еще с 2019 года по отношению к 2018 году объяснить довольно сложно.

О правосудности судебного решения, в частности приговора, можно говорить тогда,

когда он соответствует всем требованиям, предъявляемым к нему УПК РФ, а именно является законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ).

Применительно к рассматриваемому основанию отмены или изменения приговора, стоит остановиться на таких требованиях, как обоснованность и мотивированность приговора. Отметим, что законодателем не усмотрена необходимость закрепления в ст. 297 УПК РФ мотивированности как требования, предъявляемого к судебному решению. Правильность, логичность такого подхода в юридической науке подвергается сомнению. Те, кто отождествляют понятия «обоснованность» и «мотивированность» судебного решения, считают, что отсутствует необходимость дублировать схожие по семантике правовые категории, закреплять одинаковые требования к судебному решению. Исследователи-оппоненты первых отсутствие в ст. 297 УПК РФ мотивированности среди других требований расценивают как упущение, законодательный изъян, промах и просчет, который, несомненно, требуется устранить [9, с. 38].

Последнее замечание, на наш взгляд, обоснованно, поскольку действующий уголовно-процессуальный закон более десяти раз указывает на необходимость для суда мотивировать принятое решение. Например, в ч. 1 ст. 303 УПК РФ говорится, что наряду с вводной и резолютивной частями в приговоре должна быть описательно-мотивировочная часть. Отдельные пункты ч. 1 ст. 305 УПК РФ, ст. 307 УПК РФ прямо предусматривают указание судом мотивов принятого решения.

Проведем разграничение понятий «обоснованности» и «мотивированности» приговоров. Как указывалось выше, в науке этот вопрос является проблемным и дискуссионным, каждый дефинирует, проводит разграничение по-разному, вплоть до обратного толкования.

На наш взгляд, «обоснованность» – это соответствие выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела, принятие их на основе доказательств, а также отсутствие противоречий реально произошедшего и того, что легло в основу принятого решения по рассматриваемому уголовному делу. «Мотивированность» – это причинное объяснение выбора действия, посредством приведения доводов и норм закона, положенных в основу своей позиции.

Так, например, в Обзоре судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам за 1-е полугодие 2020 года обращается внимание на то, что если суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на его выводы или если суд не указал, почему он одни доказательства, имеющие существенное значение для разрешения уголовного дела, и при том, что эти доказательства имеют противоречивый характер, принял во внимание, а другие не учел, то приговор будет считаться несоответствующим

фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции [10].

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу ясна и понятна, в своих решениях Суд не единожды указывал на необходимость мотивировать принятое по определенному делу решение [2; 3].

Такая же позиция находит отклик и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [5; 4; 6].

Складывается вполне ожидаемый и справедливый вывод о действительной необходимости мотивировки судебных решений, которая должна стать их обязательным свойством и императивным требованием.

Обжалование любого судебного решения, в том числе и приговора, имеет место при отсутствии согласия заявителя с позицией суда. Если же анализировать ситуацию применительно к рассматриваемому основанию отмены или изменения приговора, то здесь можно говорить о несогласии именно с обоснованием, мотивированностью судом своих выводов. Не соглашаясь с позицией суда первой инстанции, обжалуя решение суда, заявитель инициирует процедуру пересмотра данного судебного решения в апелляционной форме.

Суд апелляционной инстанции в данном случае либо самостоятельно исправляет допущенные судом первой инстанции нарушения, либо отменяет приговор и направляет дело на новое судебное рассмотрение в тот же самый суд, но только в ином составе.

Из данных судебной статистики за 2020 год, приведенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, можно сделать вывод о том, что чаще суды изменяют приговоры (15 449), чем отменяют (7 174). Такая же тенденция прослеживалась и в 2019 году (15 300 против 6 100), и в 2018 году (17 575 против 6 321) [7].

В процессуальной литературе обращается внимание на неточную формулировку рассматриваемого основания – «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре...» (данная формулировка содержится и в положениях ст. 389.15 и в заголовке ст. 389.16 УПК РФ). Если буквально, недвусмысленно толковать данное выражение, то получается, что соответствующая норма должна иметь ограниченное действие – указанное основание может быть применимо только при отмене или изменении приговора, и не может быть применено к судебному решению иного вида. А иначе толковать уголовно-процессуальный закон, учитывая его императивный характер, представляется недопустимым.

Возникает вполне резонный вопрос: как следует поступить судье, рассматривающему жалобу или представление на постановление суда, вынесшего решение по тому или иному вопросу, связанному с исполнением приговора, если в ходе судебного заседания суда апелляционной инстанции будет установлено несоответствие выводов суда первой

инстанции, изложенных в этом постановлении, реальным обстоятельствам данного дела? Как преодолеть данный пробел законодательства? В настоящее время, думается, возможно это сделать только одним способом – применив уголовно-процессуальный закон по аналогии, что само по себе может вызвать возражения: не секрет, что применение аналогии в сфере императивного регулирования, по общему правилу, недопустимо. Однако другого выхода из сложившейся ситуации предложить попросту невозможно.

В заключение исследования необходимо отметить, что основания отмены или изменения решения в апелляционном порядке рассматриваются как ориентиры, определяющие возможность или невозможность проверки судебных решений и их последующего пересмотра, посредством которых реализуется гарантированная уголовно-процессуальным законодательством защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепляет среди требований, предъявляемых к приговору «обоснованность», при этом не дефинируя данное понятие. В этой связи можно считать приговор необоснованным и в случае, когда имеют место виды нарушений, предусмотренные ст. 389.16 УПК РФ, которая закрепляет такое основание отмены или изменения судебного приговора в апелляционном порядке, как «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела».

Кроме этого, в ряде случаев сложно определить, по какому основанию можно обжаловать приговор. Как указывалось выше, одна и та же ситуация может быть оценена по-разному, и на практике один суд конкретное нарушение может квалифицировать по одному основанию апелляционного обжалования, а другой это же нарушение – по другому основанию. Все это свидетельствует о несовершенстве системы рассматриваемых оснований.

Мы считаем, что было бы вполне правильным внести корректировку в наименование рассматриваемого основания отмены или изменения приговора в апелляционном порядке (ст.ст. 389.15 и 389.16 УПК РФ) и изложить его как «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре или ином судебном решении, фактическим обстоятельствам, установленным судом первой инстанции», поскольку ст. 389.9 УПК РФ устанавливает, что суд апелляционной инстанции проверяет не только законность, обоснованность и справедливость приговора, но и законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции.

Статистика апелляционного обжалования приговоров по основанию «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела» (п.1. ст. 389.15 УПК РФ, ст. 389.16 УПК РФ) за 2018-2020 года не высока (7-8% от общего количества обжалуемых приговоров), в то время как, например, по основанию «неправильное

применение уголовного закона» за тот же период она составила 54-56% [7].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Принят 18 декабря 2001 г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&n=34481&base=LAW&from=381478-6&rnd=0.2612098738268742#07036468599619825> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2014 г. №1331-О [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. №2505-О [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
4. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. №6 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
5. О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. №9 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
6. О судебном приговоре : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. №55 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.10.2021).
8. Диваев А. Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1(46). – С. 139.
9. Литвинцева Н. Ю. Законность при производстве по уголовному делу // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – №6(14). – С. 31-39.
10. Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам за 1-е полугодие 2020 года : Утвержден Судебной коллегией по уголовным

делам Верховного суда Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691](http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691) (дата обращения: 20.10.2021).

11. Обзор судебной практики Верховного суда Республики Мордовия по уголовным делам за 2-е полугодие 2020 года : Утвержден Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=717 (дата обращения: 20.10.2021).

АГРАШЕВА О. Е., ГИНЗБУРГ И. В.

**СПЕЦИФИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСУДНОСТИ В РАМКАХ ПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ**

Аннотация. Статья посвящена отдельным вопросам определения подсудности в ходе производства по делам с участием иностранных лиц. Выделены основные виды подсудности, закрепленные в научной литературе и законодательстве. На примере судебных решений проанализированы сложности, возникающие в связи с определением подсудности на практике. Особое внимание уделено договорной подсудности и составлению пророгационных соглашений.

Ключевые слова: подсудность, иностранные лица, пророгационное соглашение, международный гражданский процесс.

AGRASHEVA O. E., GINZBURG I. V.

**SPECIFICITY OF JURISDICTION DETERMINATION
IN LEGAL CASES WITH PARTICIPATION OF FOREIGN PERSONS**

Abstract. The article deals with some issues of jurisdiction determination in legal cases with the participation of foreign persons. The main types of jurisdictions described in research works and legislation are considered. The difficulties of such a determination in legal procedure are analyzed on the examples of real court rulings. Special attention is paid to the contractual jurisdiction and the formation of prorogation agreements.

Keywords: jurisdiction, foreign persons, prorogation agreement, international civil procedure.

Одним из ключевых вопросов процедуры международного гражданского судопроизводства является определение подсудности. Для этого используются разные критерии, основа которых – это обоснованная связь дела, его предмета, сторон с территорией конкретного государства, например, гражданство, место жительства / нахождения ответчика и т.п. Так, И. В. Гетьман-Павлова выделяет целые подгруппы стран, объединенных одними критериями определения международной подсудности [1, с. 753]. К латинской подгруппе относятся Франция, Бельгия, Италия, для которых критерием выступает закон гражданства сторон. В германской подгруппе таким критерием является место жительства ответчика. В англо-американской подгруппе – это нахождение ответчика на территории конкретного государства в момент предъявления иска. Однако подобное деление на подгруппы не охватывает все страны и все существующие правовые порядки, в связи с чем на практике возникновение проблем в отношении определения юрисдикции неизбежно. Данные

проблемы послужили поводом для различения следующих основных видов подсудности:

- 1) альтернативная – спор подсуден судам нескольких государств, в связи с чем стороны вправе выбирать наиболее удобный для них вариант;
- 2) исключительная – спор подсуден суду одного государства;
- 3) договорная – спор подсуден суду, определенному в соглашении сторон.

Определение вида подсудности регулируется нормативными актами национального и наднационального характера, а также соглашениями между конкретными лицами. Рассмотрим, как специфика определения подсудности в международном гражданском процессе отражена в российском законодательстве.

Компетенции российских судов в делах, осложненных присутствием иностранного элемента, освещены в главе 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и главе 32 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Основной критерий подсудности по ГПК РФ обозначен в статье 402 – это место жительства (место нахождения – для юридических лиц) ответчика на территории РФ. Кроме того, существуют и дополнительные критерии, например, суды в РФ вправе рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если, при распространении ответчиком рекламы в Интернете с целью привлечения потребителей из России, место жительства истца находится в России. Именно из смысла дополнительных критериев следует возможность альтернативной подсудности.

Что касается арбитражного судопроизводства, то здесь уже выделяется целый перечень критериев (статья 247 АПК РФ), который, к тому же, является открытым, о чем свидетельствует формулировка «наличие тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ». В случае же с исключительной подсудностью перечни дел с участием иностранных лиц, подсудные судам РФ, являются закрытыми и закреплены в статьях 403 ГПК РФ и 248 АПК РФ. Однако имеют место определенные особенности, которые выработаны и закреплены Верховным Судом в постановлениях с учетом складывающейся судебной практики. В качестве примера рассмотрим спор, который иллюстрирует, что на определение подсудности могут влиять верное установление характера спорного юридического факта и правильное понимание природы правоотношения, которое могло возникнуть на основе такого факта.

Истец обратился в суд с иском о признании договора дарения квартиры недействительным. Судья по первой инстанции возвратил исковое заявление, поскольку усмотрел в данном споре исключительную подсудность иностранному суду по месту жительства ответчика (то есть в США). Однако, суд апелляционной инстанции с данной

позицией не согласился и усмотрел исключительную подсудность российскому суду в связи со следующим. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ №10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ №22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», к искам о правах на недвижимое имущество относятся, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста. Таким образом, в данном случае имеет место спор о праве на недвижимое имущество, и, следовательно, требования подлежат принятию судом по месту нахождения такого недвижимого имущества, то есть в Российской Федерации. Таким образом, более подробное рассмотрение вопроса о характере договора судом апелляционной инстанции позволило истцу восстановить нарушенные в суде первой инстанции процессуальные права и добиться начала рассмотрения дела по существу [3].

Наиболее сложная и неоднозначная ситуация как в законодательном регулировании, так и на практике связана с договорной подсудностью. Анализ этих двух аспектов показывает, что сложности существуют именно по причине недостаточного законодательного урегулирования данного вида подсудности. С нормативной позиции мы получаем следующее представление о договорной подсудности: пророгационное соглашение должно быть заключено до принятия дела к производству; оно не распространяется на случаи, относящиеся к исключительной подсудности (в т.ч. иностранных судов); его невозможно применить к делам, связанным с государственной тайной и делам, подсудным Верховному Суду РФ. Форма соглашения должна быть письменной – это может быть отдельное соглашение (в т.ч. электронное) или оговорка в договоре. Независимо от того, оформлено соглашение как одно из условий договора или как его неотъемлемая часть, его действие не ограничивается сроком действия такого договора [2]. Однако, остается еще целый ряд вопросов относительно статуса, формы, содержания, момента заключения и т.д. данных соглашений. Кроме того, законодатель не предусматривает регламентации соглашений, по которым стороны рассматривают дело в иностранном суде. На многие из этих вопросов более подробно могут отвечать акты наднационального характера. Например, в статье 321 Кодекса международного частного права (Кодекс Бустаманте) сказано, что соглашение представляет собой «ясное и окончательное отрицание своего собственного суда». Также оно должно содержать «совершенно определенное указание судьи, которому стороны себя подчиняют». В Конвенции ООН о морской перевозке говорится о том, что соглашение заключается только после возникновения спора и не ранее момента причинения

вреда. Отметим, что для Российской Федерации эти правила не действуют, поскольку наша страна не является участницей приведенных соглашений.

Теперь, обратившись к практике, посмотрим, как отсутствие более детального регулирования особенностей содержательного наполнения пророгационных соглашений сказывается на разрешении споров, то есть каким образом формируется практика в данном аспекте [4]. Истец направил иск о взыскании номинальной стоимости облигаций, купонного дохода по месту нахождения имущества организации, но позже заявил ходатайство о передаче дела в другой суд. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд исходил из того, что в соглашении должен быть указан конкретный суд, где дело должно быть рассмотрено. В Оферте стороны сформулировали свою позицию следующим образом: «...владельцы Облигаций вправе обратиться с иском к Эмитенту и/или Поручителю о взыскании соответствующих сумм в Арбитражный суд ... (в случае подведомственности спора арбитражным судам РФ в соответствии с законодательством РФ), либо Кунцевский районный суд или к мировому судье судебного участка №405 ... (в случае подведомственности спора судам общей юрисдикции РФ в соответствии с законодательством РФ)». Данная формулировка свидетельствует об отсутствии определенности в выборе суда. Таким образом, мы делаем вывод, что для вступления в силу пророгационных соглашений необходимо избегать любой правовой неопределенности, которая порождает неоднозначность в вопросе о подсудности.

Рассмотрим другой пример [5]. Между двумя коммерческими организациями был заключен договор ссуды. В кассационной жалобе иностранная компания просит отменить принятые судами нижестоящих инстанций решения, ссылаясь на то, что ее российский контрагент изначально действует недобросовестно, и заключенное соглашение было заведомо невыгодным для иностранной компании. В данном случае пророгационное соглашение выступало частью договора. Жалоба была оставлена без удовлетворения, поскольку:

- 1) договор бесспорно определяет иностранное законодательство, как единственно применимое при исполнении и толковании его условий;
- 2) договор составлен на иностранном языке;
- 3) местом исполнения договора является территория иностранного государства;
- 4) место разрешения спора – иностранный суд.

Отметим, что в данной ситуации даже не указывался конкретный суд – были обозначены только страна и город, но поскольку договор полностью регулируется нормами иностранного права, предполагается, что и формулировка пророгационного соглашения соответствовала его требованиям. К тому же, мы делаем вывод о том, что если

пророгационное соглашение составлено по всем правилам и приобщено к материалам дела, то оно становится действительным и исполнимым, то есть разорвать его невозможно.

Таким образом, определение подсудности в международном гражданском процессе является сложным вопросом, который чрезвычайно важен для судебной практики. Его решение зависит от таких факторов, как верное установление характера спорного юридического факта, единообразное понимание (сторонами спора и судом) природы правоотношения, которое могло возникнуть на основе такого факта, полное и объективное изучение материалов дела и т.д. Одной из наиболее актуальных проблем, связанных с подсудностью, выступает составление пророгационных соглашений. Недостаточное понимание того, что представляет собой подобное соглашение, и как его следует оформлять, приводит к осложнениям в процессе отправления правосудия и затрудняет нормальный ход осуществления гражданских правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для магистров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2013. – 976 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 г. №23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/ (дата обращения: 27.10.21).
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.12.2018 г. по делу №33-52781/18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/c1cf545a-bd08-4640-a66e0c8f74df9d8c?caseNumber=33-52781/18> (дата обращения: 27.10.21).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.01.2019 г. по делу №33-1821/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/50849575-8543-46e3-bf6f-f297ffbe37ca?caseNumber=№33-1821/2019> (дата обращения: 27.10.21).
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.11.2019 г. №Ф07-14977/2019 по делу №А21-4629/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс [сайт информ.-правовой компании]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=57262394108924264271609095&cacheid=F339BFE10396E59A1B5229B0FDCE4000&mode=splus&base=ASZ&n=222951&rnd=0D266A936799A05D73CB0E8B366CC805#27xm4cb5up1> (дата обращения: 28.10.21).

ЕМЛИХАНОВ Р. Р.

**ЗАГЛАЖИВАНИЕ ЛИЦОМ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПОТЕРПЕВШЕМУ,
КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы законодательной регламентации и практики реализации требования заглаживания вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления, выступающего в случаях, предусмотренных уголовным законом, обязательным условием при решении вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности. Автор также анализирует актуальные вопросы, связанные с определением объема, времени, способов заглаживания виновным вреда потерпевшему.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, заглаживание причиненного вреда, имущественный ущерб, физический вред, моральный вред, способы заглаживания вреда, положительное посткриминальное поведение виновного.

EMLIKHANOV R. R.

**MAKING AMENDS FOR HARM CAUSED TO VICTIM
AS CONDITION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY
DUE TO RECONCILIATION WITH VICTIM**

Abstract. The article examines the problems of legislative regulation and the practice of making amends for the harm caused to the victim as a result of a crime, which, in cases stipulated by the criminal law, is a prerequisite in deciding whether to release the guilty from criminal liability. The author also analyzes topical issues related to the determination of the volume, time, methods of making amends to the victim.

Key words: exemption from criminal liability, reconciliation with victim, making amends for harm caused, property damage, physical harm, moral harm, methods of making amends, good postcriminal behavior of the guilty.

Статья 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) в качестве одного из обязательных условий освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим закрепляет заглаживание виновным лицом причиненного потерпевшему вреда. Данное условие, свидетельствующее о положительном посткриминальном поведении виновного, рассматривается законодателем как один из показателей небольшой общественной опасности лица, совершившего преступление, что в

сочетании с другими обстоятельствами и определяет возможность освобождения этого лица от уголовной ответственности. Такое уголовно-правовое значение действий по заглаживанию вреда объясняется их направленностью на решение возникших в результате преступного посягательства проблем потерпевшей стороны и обеспечением с их помощью превентивной функции.

В отличие от ч. 1 ст. 75 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием), в которой законодатель называет два варианта положительного посткриминального поведения виновного лица: когда это лицо возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный совершенным им преступлением, ст. 76 УК РФ не детализирует возможные формы устранения последствий преступного деяния. В связи с этим в науке уголовного права справедливо предлагается внести в ст. 76 УК РФ изменение: использовать в ней более детальную формулировку о необходимости заглаживания вреда по аналогии с той, которая имеется в ч. 1 ст. 75 Кодекса.

С выводом о смысловой идентичности двух формулировок о заглаживании вреда, имеющих в рассматриваемых нормах закона, согласны не все ученые. Так, В.В. Мальцев утверждает, что в словосочетании «лицо ... загладило причиненный потерпевшему вред» (ст. 76 УК) упор сделан на исправлении, искуплении, смягчении вредных последствий преступления, что в большей степени связано с заслуживанием таким образом прощения, облегчением причиненного потерпевшему вреда, а не с прямым возмещением имущественного ущерба; физический и в широком смысле моральный вред личности по своей природе вообще невозместимы, подобный урон можно лишь заградить, искупить либо смягчить; вследствие этого заглаживание имущественного ущерба, по ст. 76 УК РФ, ограничивается рамками устранения неисправностей, повреждений материальных объектов, скорее всего, приведенных в негодность вместе с причинением вреда личности. В противном случае законодателю не было бы смысла отказываться в тексте ст. 76 УК РФ от выражения «возмещение причиненного ущерба», употребленного в ч. 1 ст. 75 УК РФ [1, с. 27].

Позиция В.В. Мальцева означает попытку неоправданно сузить сферу применения освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Предлагается, чтобы этот вид освобождения не использовался по уголовным делам, связанным с причинением, как правило, только материального вреда. А таких дел встречается на практике немало и в их числе – дела о «ходовых» преступлениях против собственности (кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, умышленное уничтожение или повреждение имущества, уничтожение или повреждение имущества по неосторожности). В ст. 76 УК РФ подобный запрет обоснованно отсутствует.

Таким образом, виды вреда, их характеристика, способы его заглаживания при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим совпадают с аналогичными положениями, касающимися освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Более узкое толкование их для нужд применения ст. 76 УК РФ определяется уже тем, что понятие потерпевшего в ней, в отличие от ч. 1 ст. 75 УК РФ, сводится исключительно к физическим лицам [2, с. 309-310].

Системное толкование рассматриваемых условий освобождения от уголовной ответственности, о которых говорится в ст.ст. 75 и 76 УК РФ, позволяет утверждать, что смысл сказанного, содержащийся в обеих формулировках, полностью совпадает: в том и другом случаях речь идет о заглаживании лицом вреда, причиненного преступлением. Просто в первом случае законодатель отдельно упоминает о возмещении ущерба (в материальном аспекте), который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта поврежденного имущества), в денежной форме (в частности, путем возмещения стоимости поврежденного имущества, оплаты расходов на лечение потерпевшего) и т.д., и это можно рассматривать как один из вариантов заглаживания вреда. Помимо указанного варианта, заглаживание вреда, причиненного преступлением, может быть произведено и иным образом, в частности, путем выплаты имущественной, в том числе денежной, компенсации за причиненный моральный вред, оказания какой-либо помощи потерпевшему, принесения ему извинений, а также принятия иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего (п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ №19 от 27.06.2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности») [2].

Статья 76 УК РФ не определяет момент, когда должен быть заглажен причиненный потерпевшему вред. Однако исследователи обоснованно отмечают, что заглаживание вреда должно по времени предшествовать самому примирению, то есть выступать средством (способом) достижения определенного согласия между виновным и потерпевшим (тогда потерпевший, получивший определенное возмещение, может официально заявить, что он простил лицо, совершившее в отношении него противоправное посягательство, согласен считать, что возникший между ними конфликт исчерпан и он не возражает против освобождения этого лица от уголовной ответственности).

Складывающаяся судебная практика не признает в качестве выполненного условия для освобождения от уголовной ответственности обещание, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, о том, что он возместит ущерб или загладит вред в будущем. Однако в некоторых ситуациях виновный готов загладить

причиненный им потерпевшему вред, но этому могут препятствовать, например, его болезнь, временные материальные затруднения и др. По этому поводу в юридической литературе высказано предложение о целесообразности предоставления виновному лицу своеобразной отсрочки для реализации такой возможности в течение определенного – испытательного – срока (который устанавливается судом с учетом требования разумности). Тогда лицо, совершившее преступление, берет на себя обязательство, например, возместить причиненный им материальный ущерб в определенный срок. На этот срок судебное разбирательство приостанавливается до выполнения данным лицом взятого на себя обязательства. Естественно, указанная процедура должна быть инициирована обвиняемым и при согласии потерпевшего.

Подобные предложения заслуживают внимания, поскольку их реализация, с одной стороны, позволяет потерпевшему получить ожидаемое им возмещение, причем в добровольном для виновного лица порядке; с другой стороны, лицо, совершившее преступление, но не представляющее большой общественной опасности, получает возможность в итоге проявить позитивное посткриминальное поведение, которое в данный момент по объективным причинам неосуществимо.

Конечно, рассмотренная ситуация должна быть урегулирована в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. В частности, целесообразно законодательно закрепить продолжительность испытательного срока, который может быть установлен лицу, освобождаемому от уголовной ответственности, дифференцируя ее в зависимости от тяжести совершенного преступления (в этом отношении представляются обоснованными предложения об установлении продолжительности указанного срока по преступлениям небольшой тяжести – от шести месяцев до одного года, по преступлениям средней тяжести – от одного года до двух лет) [2, с. 194-195].

Особо следует предусмотреть правовые последствия неисполнения виновным обязательства по заглаживанию причиненного потерпевшему вреда в установленный срок (это может быть привлечение его к уголовной ответственности на общих основаниях).

В практике применения положений о заглаживании вреда существуют также проблемы, связанные с объемом возмещаемого ущерба или заглаживаемого вреда; с согласием потерпевшего с самим фактом заглаживания причиненного ему вреда; с возможностью заглаживания виновным вреда при отсутствии общественно опасных последствий как обязательного признака объективной стороны деяния, то есть в формальных составах и при неоконченных преступлениях; с определением справедливой и реальной формы (способа) заглаживания вреда.

Законодатель не конкретизировал объем возмещения ущерба или иным образом

заглаживаемого вреда, причиненного преступлением. Несмотря на то, что отсутствует императивное требование о возмещении или заглаживании вреда в полном объеме, суды, как правило, рассматривают в качестве условия освобождения от уголовной ответственности по со ст.ст. 75 и 76 УК РФ полное возмещение ущерба или заглаживание вреда.

Представляется, тем не менее, что в данном случае необходимо выяснять мнение потерпевшего по поводу того, в каком объеме он требует загладить причиненный ему вред, а также вид и способ такого заглаживания. Более того, мнение потерпевшего здесь представляется определяющим, поэтому именно он должен оценить полноту и достаточность действий виновного по компенсированию ему последствий совершения в отношении него посягательства. Как обоснованно отмечает Э.Л. Сидоренко, «в условиях расширения диспозитивности в уголовном праве заглаживание вреда не должно носить характер обязательного адекватного возмещения». С этих позиций нельзя исключить ситуацию, когда потерпевший и виновный совместно определяют способ и размер возмещения [4, с. 57]. Если потерпевший, в условиях отсутствия на него какого-либо воздействия, считает, что ему предоставлено адекватное возмещение (пусть даже и не полное), его мнение по данному вопросу должно быть обязательно для следователя и суда, рассматривающих возможность освобождения виновного от уголовной ответственности на основании ст. 76 УК РФ.

Компенсация за причиненный вред должна быть достаточной с точки зрения не лица, совершившего преступление, а самого потерпевшего. При этом недопустимо, чтобы потерпевший требовал возмещения в размере, явно не соответствующем характеру и тяжести причиненного ему действиями виновного вреда.

Потерпевший может выражать принципиальное несогласие с освобождением лица от уголовной ответственности и, в связи с этим, отказываться от возмещения ущерба или заглаживания вреда со стороны виновного в какой бы то ни было форме. В этом случае освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим невозможно. Целесообразно, чтобы мнение потерпевшего по данным вопросам было четко зафиксировано в соответствующих процессуальных документах.

Возмещение ущерба или заглаживание вреда от преступлений, состав которых сконструирован по типу формального, и, как следствие, потенциальное применение ст. 76 УК РФ – один из вопросов, вызывавших наиболее оживленные дискуссии среди специалистов. Сомнению подвергалась сама возможность позитивных посткриминальных действий виновного, если отсутствует причиненный его деянием вред, и, соответственно, наличие в данной ситуации основания к освобождению от уголовной ответственности. Одни ученые прямо отвергают возможность освобождения от уголовной ответственности лиц,

совершивших преступления с формальным составом, структура которого не требует обязательного причинения вреда. Другие не исключают того, что преступления с формальным составом причиняют вред или ставят под угрозу причинения вреда охраняемые уголовным законом интересы, поэтому здесь виновный имеет возможность совершить определенные действия, направленные на восстановление нарушенных правоотношений, то есть осуществить заглаживание вреда.

Мы полагаем, что разрешение обозначенного вопроса должно исходить из того, что в уголовном праве необходимо различать понятия общественно опасных последствий деяния и преступного вреда. Многие исследователи обоснованно указывают, что преступный вред представляет собой социально вредные изменения в общественном отношении, вызванные преступлением (например, при краже – в отношении собственности), а последствия – это объективная форма проявления преступного вреда (например, утрата собственником в результате кражи принадлежащего ему имущества). Если вред от преступления может наступать, а может и отсутствовать, то общественно опасные последствия так или иначе присутствуют в виде обязательного либо факультативного признака состава преступления. Поэтому если виновное лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, в добровольном порядке производит действия, направленные на уменьшение общественной опасности содеянного, на восстановление нарушенных правоотношений, у суда есть основания расценивать такие действия как заглаживание вреда.

Верховный Суд РФ, рассматривая в своих разъяснениях вопросы заглаживания вреда, причиненного преступными действиями виновного, обращает внимание судов на то, что размер ущерба или вреда должен быть определен верно.

Заглаживание вреда, как следует из разъяснений, данных Верховным Судом РФ, должно быть направлено на минимизацию общественной опасности содеянного. Формы (способы) заглаживания вреда, причиненного преступлением, могут выражаться в самых разных активных действиях, направленных на удовлетворение интересов потерпевшей стороны. Изучение судебной практики показывает, что в качестве мер, направленных на заглаживание причиненного преступлением вреда, суды признавали: принесение извинений потерпевшей стороне; возвращение товара; собственноручный ремонт или восстановление поврежденного имущества; уплата денежной компенсации; покупка лекарств и медикаментов для лечения потерпевшего; оплата путевки для санаторно-курортного лечения; возвращение части похищенных денежных средств и доплата денежной компенсации. В ряде случаев посткриминальное поведение освобождаемого лица представляло собой комбинацию действий, направленных на заглаживание вреда.

Особо следует отметить то, что согласно п. 2 постановления Пленума Верховного

Суда РФ №19 от 27.06.2013 г. способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Так, недопустимо считать заглаживанием вреда возвращение предмета взятки лицу, от которого он был получен; возвращение потерпевшему похищенного имущества, если оно не передано добровольно, а изъято у виновного при обыске, задержании и т.д.

Определение конкретной формы (способа) заглаживания виновным вреда, хотя и производится при решающей роли потерпевшего, должно учитывать не только характер и объем причиненного вреда, но и имущественное положение виновного, наличие у него соответствующих возможностей для заглаживания вреда. В любом случае возмещение должно быть реальным для потерпевшего и ощутимым для виновного, чтобы позволял ему осознать угрозу возможного привлечения к уголовной ответственности.

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный закон не обязывает следственные органы или суд, принявшие решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, проверять фактическое исполнение виновным взятого на себя обязательства по заглаживанию вреда. Однако указанные государственные органы должны достоверно выяснить, состоялось ли в действительности заглаживание вреда, каким образом это было произведено и устраивает ли потерпевшего соответствующее заглаживание. Установленные следователем, судом такого рода обстоятельства должны получить отражение в постановлении о прекращении уголовного дела.

Если в каком-либо случае виновный не имеет возможности возместить ущерб или загладить вред, судья (следователь) не должен применять ст. 76 УК РФ. Однако при этом не могут быть исключены иные варианты освобождения лица, не представляющего большой общественной опасности, от уголовной ответственности.

Пленум Верховного Суда РФ допускает, что возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (для целей применения ст. 76 УК РФ) может быть произведено не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами.

Еще одной проблемой при освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является возможность применения данного порядка при неоконченных преступлениях. При приготовлении к преступлению и покушении на преступление не всегда причиняется реальный ущерб, однако это не должно являться препятствием для виновного, стремящегося минимизировать негативные последствия своего противоправного поведения. Представляется, что запрет на применение ст. 76 УК РФ в такого рода ситуациях не будет коррелировать с общими целями данного института. Вместе с тем каждый раз суду надлежит внимательно исследовать действия обвиняемого, его поведение после совершения преступления, последствия содеянного и иные обстоятельства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мальцев В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим // Уголовное право. – 2007. – №6. – С. 26-29.
2. Энциклопедия уголовного права. Том 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – СПб. : Изд. проф. Малинина – СПб ГКА, 2008. – 880 с.
3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – №8. – С. 5-8.
4. Сидоренко Э. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. – 2011. – №3. – С. 49-57.